

The background of the cover is a painting. On the left, a figure in a dark hooded robe with a white, bird-like mask with dark eye holes. In the center, a young woman with long brown hair looks upwards with a worried expression. On the right, a young man with dark hair is shown in profile, looking towards the woman. The overall color palette is muted, with blues, greys, and earthy tones.

ЛЮБОВЬ, СПОСОБНАЯ ОЖИВИТЬ МЁРТВОГО,
МОЖЕТ ПОГУБИТЬ ЖИВОГО.

ИТО ИХ

ПОСЛЕДНЯЯ

ЖИЗНЬ

МЭРИ БАРК

Мэри Барк

Это их последняя жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72213244

SelfPub; 2025

Аннотация

Школа Риверхолл – место, пропахшее пеплом прошлого, где даже стены дышат тайнами. Леона Уайт желает обрести здесь покой и найти цель своего существования. Но ее мирная жизнь рушится, как только она сталкивается с одной из тайн Риверхолла. Встреча с призраком юноши, погибшего двадцать лет назад, запускает цепочку событий, которые раскрывают шокирующую правду о происхождении Леоны. Перед ней встает выбор, от которого зависит не только ее будущее, но и шанс на вторую жизнь для того, кого она полюбила.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	82
Глава 5	109
Глава 6	135
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Мэри Барк

Это их последняя жизнь

*Может, смерть – это не конец,
а просто чья-то история, которую ещё не
рассказали.*

Пролог

Обещанное на начало осени тепло со стороны синоптиков, оказалось равносильным предсказаниям гадалки, сидящей рядом с овощной лавкой. Несколько дней шел настоящий ливень, размывающий подстриженный для туристов газон, в качестве которого теперь не трудно усомниться. Тропинки из старого камня проседали, размываемые сточными водами, с которыми не справлялась городская канализация, а службы только разводили руками, повторяя как один: «Мы не могли предвидеть подобное».

Несомненно, странно было уповать на лже-прогнозы, вспоминая, что последние двадцать лет небольшой городок видел больше хмурого неба, нежели теплого солнца. Люди привыкли искать виноватых среди любых факторов: таянье ледников, загрязнение экологии, прилегающие водоемы, людей позабывших силу Всевышнего и многое другое, что, по

их мнению, могло объяснить отсутствие нормальной зимы и тёплого лета.

Резиновые сапоги насыщенного вишневого цвета тонули в вязкой грязи размытой дороги, оставляя, после себя, небольшие следы, поспешно размывающиеся крупными каплями дождя. В сгущающихся сумерках трудно было разглядеть черный зонтик, мелькавший среди обилия деревьев, пока идущий человек пытался обойти самые большие лужи, дабы не увязнуть окончательно.

Попытка вернуться на каменную тропинку проваливалась, так как старые булыжники, просевшие в земле, утопали в грязных потоках, и нащупать их грубой резиной сапога – та ещё задача. Тем не менее, фигура продолжала свой путь, вцепившись одной рукой в старый зонтик, а другой – в вязаную сумку, которая, кажется, промокла до самого основания.

Края длинного коричневого пальто покрывали крупные капли из воды и грязи, от чего ткань прилипала к ногам, мешая движению. Тихо шмыгая носом, девушка вновь перепрыгнула с кочки на кочку, едва ли удержав равновесие, казалось, один неверный шаг и она рисковала бы оказаться пленницей большой лужи, которая растелилась темным полотном прямо перед железными воротами, за которым виделось несколько десятков горящих жёлтым светом окон.

Из небольшой будки выскочил мужчина, прикрывая голову небольшим куском картонки, словно импровизирован-

ным из подручных средств зонтиком. Подобное сооружение не избавило его от силы дождя, а темные усы, в которых пролегла заметная седина, пускали по своим волоскам мелкие капельки.

– В такую погоду, мисс, – быстро начал он, открывая засов ворот. – Как же вы добрались? Говорят, транспорт встал на всем пересечении города.

Отголоски радио из его небольшой коморки заглушались шипением и звукам воды, бьющей по железной крыше. Заглянув под зонтик, мужчина смог таки разглядеть знакомую и виноватую улыбку.

– Воистину, транспорт стоит, сэр, – бледный пальцы, сжимавшие ручку, местами покраснели от влаги и прохлады. – Бакстон-роуд на пересечении с Кроухилл-лэйн окончательно встал. Говорят, произошла авария, так что автобусы останавливаются или возвращаются обратно. Движение ограничено.

– И как же вы добрались? – крепкая рука мужчины с силой дернула на себя скрипнувшую створку ворот, а петли продолжили свой призрачный гул от последующих движений.

– Решила не испытывать судьбу и выйти.

– Почему вы не позвонили? Мы бы нашли транспорт...

– Телефон разрядился, – повела она плечами, проходя на территорию, где уже не было столько грязи, как на основной тропе. – Можно сказать, что устроила чудесную прогулку по лесу.

– Не самая лучшая идея, мисс, – покачал головой мужчина, закрывая ворота обратно. – Леса Риверхолла в ночи полны сюрпризов. Слышали, что говорят в новостях? Преступники предпочитают непроглядные леса для своих укрытий.

– Вряд ли преступники захотят мокнуть и вязнуть в грязи, – она вновь усмехнулась, потряхнув влажными волосами. – В любом случае, путь оказался вполне спокойным. Все ученики вернулись, после выходных?

– Ещё до обеда, мисс Уайт. А вы, к сожалению, не успели на ужин.

– Обойдусь, – и потрянула своей сумкой, в которой, кажется, было припрятано что-то вкусненькое. – Доброй ночи и спокойствия на посту.

Мужчина учтиво сделал поклон головы, словно галантный мужчина и поспешил вернуться в свою комнату, дабы обсохнуть около теплого огня маленькой печки под звуки хрипящего радио.

Не желая вымокнуть ещё больше (хотя куда уж больше!), девушка направилась по центральной дороге к зданию из красного кирпича высотой в три этажа, но свернула, не дойдя до основного входа, сворачивая на тропинку среди клумб. Цветы учтиво склонили свои головы, словно прячась от дождя и стараясь укрыть слабые стебли и лепестки от беспощадных капель. Несмотря на их последние мгновения цветения, растения всё ещё боролись с беспощадной осенью, берущей свои права.

Воздух был полон ароматов: влажного камня, древесины, гниющей листвы и свежей земли, которую подготовили к зимовке, разрыхлив на участках, где предполагалась посадка в новом году. Тёмный силуэт девушки скрылся из вида в одной из арок, ведущих во внутренний двор, оставляя от себя лишь грязные следы на сером камне вымощенной тропинки.

Глава 1

Медицинский блок опустел, стоило только главному звонку оповестить всех об отбое. Молодая медсестра, осмотрела пустующие койки и громко выдохнула от блаженства. Начало учебного года всегда было таким: несмотря на погоду, ученики не болели, хотя очередной вирус точно не заставит себя ждать, но сегодня её ночь будет спокойной.

Вновь осмотрев больничные зал, девушки кивнула, разворачиваясь на маленьких каблучках и направляясь в подсобное помещение.

Койки были прилежно накрыты серыми покрывалами, которые лишь больше придавали этому месту ощущение стерильности. В воздухе витал аромат травяных настоек, заживляющих мазей и спирта, которым пропитались все шкафы, но во всем этом был ещё один аромат – сладковатый и тонкий. Он принадлежал работнице этого места – Грейс Роббинс, которая, стянув с себя медицинский халат, опустилась на один из стульев около большого стола с горой папок и бумаг. Яркий свет настольной лампы освещал два ссутулившихся и уставших силуэта, которые с легкой улыбкой смотрели друг на друга.

– Ты же мечтала об этом, Грейс, – улыбнулась девушка, разглаживая складки длинной юбки А-силуэта, сделанной из теплой твидовой ткани, которая прекрасно согревала ноги в

холодных стенах школы.

– Ты хотела сказать, стремилась, – поправила её медсестра, проводя пальцами по каштановым волосам, собранным в тугий пучок, – Кажется, сегодня ученики хотели прогулять тест по биологии, раз большая часть старшего класса пришла с похожими жалобами: то голова болит, то живот, – и тихо рассмеялась, – Не верится, что когда-то я делала так же, а теперь вынуждена отыскивать симптомы их «Симуляций». Но тебе тяжелее, Лео, ты их ещё и учишь, – Грейс привстала, что позволило разглядеть её простенькое серое платье, пока она разливала по двум кружкам чай.

– Всё не так уж и плохо. Ничего не изменилось со времен школы, – Леона потянулась за предложенной кружкой, сделав несколько глотков горячего чая, – Старшие классы всё так же прогуливают уроки музыки, в чём невозможно их обвинить.

– О, так ты теперь настоящий профессор, Лео. Отыгрываешься? – в глазах Грейс промелькнули бесята. Несмотря на то, что ей было не больше двадцати пяти лет, ребячество так и горело в её глазах.

– Нет. Все получают то, что заслуживают, – возразила юная преподавательница, оттягивая рукав своего свободно свитера, – До профессора мне далеко. К тому же, я понимаю, что музыкальное образование не настолько необходимо тем, кто хочет стать юристами или экономистами. Сочувствую старушке Мюррей, ведь к ней в драматический кру-

жок засылают тех, кто не блещет особыми знаниями, на отработку.

– Миссис Мюррей ещё фору всем нам даст. Мне иногда кажется, что она специально прикидывается глухой, чтобы не сидеть на собраниях с директором Леман, – Грейс потеряла переносицу пальцами. – После пары недель работы, мне уже необходим отпуск. Только посмотри, все эти карточки надо обновить.

– Неужели ты не можешь отыскать пару часов отдыха вечером? – с улыбкой отозвалась Лео, погладив пальцами столешницу, – Может, если завтра у тебя не будет внезапных пациентов, ты составишь мне компанию на вечерней прогулке?

– Ключевое слово – «если не будет», – с тяжелым вздохом, отозвалась Роббинс. – Погода не располагает прогулками в последние дни.

С этим не поспоришь. Новый день едва ли осветили лучи долгожданного солнца, но западные тучи имели свои планы. Это походило на мистику, ведь, казалось, сам Риверхолл тонул в дождях, пока в другой части Бейквелла можно было не прятаться под зонтами.

Подливая в кружку Грейс теплый травяной чай, Леоны коротко улыбалась, следя за тем, как старая подруга трудится над оформлением карточки младшеклассника, вписывая туда изменения возраста, веса и роста. Для самой же Леоны внезапная работа стала не бременем, а неким спасением. После колледжа её не хотели брать на работу, ссылаясь на

нехватку опыта и образование. Потратив немало сил и нервов, Леоне всё-таки удалось пройти курсы переподготовки, чтобы иметь возможность давать уроки музыки, но и этого оказалось недостаточно. Предложений о работе не поступало, а ощущение того, что она превращается в обузу приемной семьи – не оставляло даже на мгновение.

Когда она отчаялась найти хоть что-то близкое к её профилю подготовки, на помощь пришла Грейс – давняя подруга, с которой она обучалась в одной школе. Хотя подругой она на тот момент не была, просто хорошая знакомая. В прошлом они оказались в драматическом кружке миссис Мюррей. Лео – по доброй воле, Грейс – в наказание за побег из школы. Так и познакомились, помогали шить паруса для мачты импровизированного корабля для постановки спектакля по одному из романов Жюль Верна. Роббинс – старшеклассница, которая уже подводила губы розовой помадой, а глаза коричневыми тенями, и Леона Уайт – девчонка с лохматыми волосами и обилием прыщей на скулах. Тогда общение со старшеклассницей казалось чем-то невероятным, Грейс имела авторитет, отличалась гибкостью ума и колкостью языка, а Лео лишь могла с восхищением наблюдать за ней, мечтая быть похожей.

Вскоре старшеклассница выпустилась, поступила в престижный университет. Какое-то время они поддерживали связь, а Грейс иногда присылала ей Рождественские открытки. Когда настала очередь Леоны покинуть это место, она

мысленно поклялась, что больше не вернется в стены этой закрытой школы, заведет множество друзей и будет путешествовать, но мысленное рвение не соотносилось с физическим. Приемная семья не могла потянуть обучение в университете, поэтому Лео отправилась в музыкальный колледж. Надо отметить, что особыми навыками в этом направлении она не обладала, но была прилежной ученицей, быстро улучшающей свою успеваемость. Обучение пролетело подобно мгновению, от учебного класса до книги, никакого десятка друзей и путешествий, как она мечтала. Жизнь в колледже не отличалась от Риверхолла, разве что, она могла приходить домой каждый вечер, где её ждала забота о четырех младших приемных детях семьи Уайт.

Жизнь в вечном ощущении того, что она кому-то должна. Её усыновление было открытым, как и последующие, Шарлотта не желала вводить детей в заблуждение, но они всё равно звали её своей мамой. Отец семейства же предпочитал работу с утра и до вечера – ему было комфортнее оставаться канцелярской крысой, нежели заботливым отцом, но жену он любил – этого не отнять.

Будучи старшей, Леоны часто слышала от матери, что это большая ответственность. Возможно, это и не позволяло ей расслабиться. Когда же колледж был позади, девушка четко поняла, что ей пора строить свою жизнь. Шарлотта её в этом поддерживала, но не настаивала. Только предложения о работе не сыпались с неба. Расстроенная настолько, что ночь

посвященная рыданиям закончилась отчаянным постом на странице в социальной сети о поиске работы, она не ожидала, что ей напишет Грейс. Год назад и Роббинс страдала от того, что без опыта работы пробиться куда-то трудно, а вот поработать в Риверхолле – хорошая ступень для будущего, ведь тут всегда была нехватка кадров. Частная школа, спонсируемая одной из семей Ривер, ранее была жилым помещением, но почти сто лет назад поместье было отдано под школу-интернат в небольшом городке Бейквелл. За гранью леса и рядом с рекой – тихое местечко, скрытое от любопытных глаз. О ней мало, кто знал, предпочитая более современные школы, нежели забытое Богом место. Тем не менее, тут обучалось порядка сотни детей, проживая частично или постоянно. За небольшую плату родители могли обеспечить своих детей не только начальным и средним образованием, но и воспитанием, присмотром.

В Риверхолле сохранились порядки старой Англии с их традициями. Девочки и мальчики жили в разных сторонах поместья, видясь только на занятиях, приемах пищи или дополнительных кружках. Воспитатели обеспечивали их досуг, не допуская близких контактов двух разных полов, что, в свою очередь, казалось гуманным и не порочащим репутацию Риверхолла.

Возможно, это и стало одной из причин, почему Леона не научилась общаться с противоположным полом, что, в её возрасте, казалось вполне естественным.

– От чего улыбаешься? – Грейс убрала письменную ручку в стакан с канцелярией и потерла глаза.

– Да так, задумалась, – неловко пожалала плечами девушка, чуть потирая колени, скрытые за подолом длинной юбки. – Утренние подъемы изматывают.

– В такую погоду всегда хочется спать, – согласилась Роббинс, невольно зевнув. – К тому же, ты мало спишь. Посмотри только, синяки под глазами. Тебе бы в пору использовать тональный крем.

– В этом нет необходимости. Мне просто нужно выспаться. До Рождества больше не поеду домой, поэтому буду отсыпаться на выходных, – мысль была давно обдуманной, так как неловко было возвращаться к Шарлотте с пустыми руками. Ей заработка едва ли хватало на одну себя, но Лео благодарна и за этой.

Выпив ещё по кружке чая, девушки распрощались, и Уайт покинула больничный блок, выходя в коридор. Неизменный запах гари стал верным спутником этих коридоров, хоть и старый выжженный камень был очищен и скрыт за плотными пластинами гипсокартонная. От истории этого поместья трудно просто взять и откреститься. Пожар двадцатилетней давности всё ещё казался свежим в памяти некоторых преподавателей и самого директора Гвиневры Лестер. Ещё в школьные годы, пугаемая звуками сквозняков и внезапными скрипами дверей, Лео слышала истории о вековых призраках, снующих по этим коридорам. Старшеклассники

не скупилась на истории о Тёмном Рыцаре, который любил прогуливаться по третьему этажу. Кто-то говорил о том, что из его спины торчал огромный меч, а тот, кто его увидит, непременно умрет в ближайший год. Разумеется, подтверждений этой истории не было, но она переходила из уст в уста. Как и история о мальчике Сэме, который погиб во время стройки этого поместья почти триста лет назад. Якобы его плачь всё ещё можно услышать в дни полных лун, призрак, зовущий свою маму и не понимающий, что умер.

К счастью, Лео уже не верила в эти сказки, предпочитая даже не вспоминать. Но стоило ей только оказаться в пустынном, едва освещенном коридоре, то любой шорох вынуждал её вздрогнуть. Удивительно то, что она больше боялась живых людей, нежели мертвых.

Подгоняемая усталостью и желанием оказаться в своей спальне, Уайт прибавила шаг, отправляясь на третий этаж, бесшумно поднимаясь по ступеням из темного дуба, покрытых грубым бордовым ковролином.

Этаж, где жили преподаватели, отличался от двух нижних. Сюда ещё не добрался предполагаемый ремонт, едва коснувшийся коридора, где ещё виднелись каменные стены и торчащие провода проводки. Множество замотанных в полиэтилен старых статуй, доспехов и ваз, которые ещё не распределили по школе, а так же несколько ящиков с ведрами свежей побелки и краски – всё стояло в ожидании рабочих, на которых пока не хватало средств. Пройдя его практиче-

ски до конца, она свернула за угол, видя ещё одни доспехи, замотанные в полиэтилен, который съехал, обличая половину темной фигуры.

Гвиневра никогда не отказывалась от таких даров, которые оказались непригодны для музеев, забирая их за бесценок, чтобы украсить школу. Хотя вряд ли подобные статуи могли служить украшением – в полутьме они выглядели устрашающе. Не удивительно, что их убрали с этажей учеников, иначе бы младшеклассники точно намочили свои форменные штанишки!

Достав небольшой ключик, она подступила к деревянной двери, проворачивая скрипучий замок, но едва ли она тронула ручку, как позади раздался грохот. Ключ выпал из пальцев, а девушка едва ли не вскрикнула – не от страха, а от неожиданности, резко обернувшись. В свете большого полукруглого окна, тянувшегося от пола до потолка, удалось вновь разглядеть статую рыцаря и полиэтилен, упавший к его ногам. Возможно, от легкого сквозняка он окончательно съехал с фигуры, но шум был вызван вовсе не этим. Шлем рыцаря, подобно темному угловатому шару, лежал на шершавом полу, доски которого неравномерно стелились по поверхности.

Мысленно дав себе оплеуху, Лео подняла ключ, отправив его в карман юбки и огляделась по сторонам – этот шум мог разбудить других преподавателей, но, кажется, то, что коридор её спальни находился в отдалении от основных ком-

нат, играло ей сейчас на руку. Неторопливо подняв шлем, Лео осмотрела его, надеясь, что старый металл не пострадал от падения. Не хотелось бы получить обвинительный взгляд и претензии от строгого директора, которая с пресловутым фанатизмом тащила в свою школу всё то, что, по её мнению, могло бы выделять их школу из всех.

Риверхолл никогда не сравнится с другими частными школами – в этом не было сомнения. Как бы Гвиневра Лестер не пыталась отреставрировать это здание, но оно приходило в негодность. Гипсокартон и свежая краска могли скрыть лишь внешние изъяны, но не повлиять на сущность поместья. Оно крошилось, разваливалось, десятки средств не могли вытравить плесень из отсыревшего камня, а обилие каминов прогреть его до основания. В Риверхолле было холодно и зимой и летом, а ещё пахло гарью... Запах как неотъемлемая часть воспоминаний этого места. Поговаривали о том, что оно горело десятки раз, а торчащая проводка лишь подтверждала то, что риск возникновения очередного пожара – оправдан.

Водрузив шлем на его привычное место, девушка потянулась к шуршащему покрытию, сжимая его пальцами. Снова грохот. Голова рыцаря вновь оказалась на полу, где была и до этого, разве что откатилась не так далеко, как в первый раз.

– Seriously? – тихо буркнула себе под нос девушка, сжимая челюсть. Разминка перед сном не входила в её планы. Взяв шлем в руки, она ощупала основание шлема, дабы по-

нять, какой частью её лучше подцепить.

Привстав на носочки, она неторопливо начала устанавливать голову на прежнее место, тихо бубня под нос.

– Давайте же, благородный сэръ Ланцелот, прикрепляйтесь, – тихо и недовольно кряхтела она, устанавливая шлем так, чтобы он точно не упал.

Чуть жмурясь, девушка слышала, как поскрипывают его остальные части, не ожидая такого напора на себя со стороны молодой девушки.

Тихо выдохнув, она посмотрела на шлем, концентрируя взгляд на размытом отражении собственного лица. Металл искажал естественные черты, немного растягивая их. Но удивило девушку совершенно не это. Её зрение уловило размытый темный силуэт прямо за плечом рыцарских доспехов. Он походил на её тень, но казался выше роста Лео. Сославшись на то, что это тени от небольших ламп из дальнего коридора, девушка опустила забрало, а потом похлопала по железным плечам статуи, явно довольная своей работой. Голова стояла на прежнем месте.

– Так-то лучше, приятель, – усмехнулась Лео, а потом покачала головой. К счастью, ей никто не слышал: она бы прослыла сумасшедшей за то, что разговаривает с доспехами. Хотя в этом безумстве была нотка собственного удовлетворения.

Отмахнувшись от собственной глупости и мимолетной шалости, девушка коротко присела в небрежном реверансе

одинокو стоящему рыцарю.

– Вынуждена вас покинуть, прекрасный рыцарь, – шутили-во проворковала она, – Мне жаль, что с вами приключился подобный казус. Надеюсь, что впредь подобного не повторится, – она поднялась из собственного реверанса и простодушно рассмеялась, прикрыв рот ладонью, – Обещаю, об этом никто и никогда не узнает. А теперь, когда все ваши части тела на месте, я вынуждена покинуть вас. Доброй ночи, благородный сэръ.

И с легким взмахом руки развернулась, чтобы продолжить свой путь, но что-то её остановило. Длинная юбка обтянула её ноги, заставляя проследить взглядом за причиной этого происшествия.

Латная перчатка сжимала между средним и указательным пальцем её подол. Примечательно было то, что вторая рука оставалась неизменно сжатой в кулак.

Решив, что это всего лишь случайность, она осторожно вытянула из его хватки юбку – зацепилась, пока устанавливала голову медного рыцаря, а потом продолжила свой путь, в конце концов, такая мелочь не показалась ей чем-то значимым.

В легком приподнятом настроении, она вновь вставила ключ в замочную скважину и едва ли не стукнула себя по лбу. Ведь она уже открыла дверь! Сжав ручку, Лео с усилием толкнула её вперед, оповестив об этом коридор, так как скрип петель казался слишком звучным.

В комнате запах обугленных стен не казался таким сильным, смешиваясь с ароматами лавандовых и цветочных масел, покоившихся на прикроватной тумбочке. Сама постель казалась невероятно большой, хоть и старой, учитывая маленькую деревяшку под правой ножкой – для равновесия. Темный полог был подвязан новыми лентами, которые выделялись на фоне серого и устаревшего интерьера. Мебель прошлого столетия казалась покосившейся, но ещё имела право на жизнь, пока в школе не появится спонсор, который сможет позаботиться об условиях преподавателей.

Одна дверца шкафа была приоткрытой и, сколько бы Лео не пыталась её закрыть, все попытки оставались тщетны – она просела от времени. Небольшой стол, заваленный книгами и листами с нотами, стул с изогнутыми ножками и порванной обивкой, а так же зеркало – во весь рост, хоть и с небольшой трещиной внизу.

В принципе, для жизни тут были все условия, так что возмущаться Уайт не стала бы, ей и этого вполне достаточно. К тому же директор дала ей право выбрать комнату самостоятельно. Ценя уединение, она предпочла эту, в самом конце восточного крыла, зато с небольшим балкончиком, который так и манил её каждое утро. Лео мечтала, что обязательно встретит на нём солнечное утро, но, как оказалось, погода имела свои права. Вид на реку и часть леса – стоило больше, чем изысканная новая мебель в стиле модерн, к тому же, эта часть Риверхолла была пустынной, внизу только клумбы и

пара деревьев, ученики тут не гуляют.

Лео ценила уединение и простор, поэтому поспешно скинула с себя повседневную одежду, облачившись в ночное белое платье на кружевных лямках. Подол доставал до самого пола, но два выреза вдоль ноги помогали избавиться от чувства скованности.

Включив небольшой торшер около камина, она огладила старое кресло, от которого потянулись мелкие пылинки следом за её пальцами. Сейчас это казалось чем-то совершенно неважным, усталость брала своё.

Подойдя к зеркалу, стоящему около большого окна, девушка тщательно расчесала свои спутанные на концах волосы, которые теперь ровными прядями лежали на её плечах. Присмотревшись к собственному лицу, она недовольно фыркнула, сузив темные глаза. На лбу виднелся небольшой прыщ, говоривший об отголосках подросткового возраста, который, кажется, она оставила далеко позади. На данном этапе жизни она хотела совершенствоваться в навыках преподавателя, изучать что-то новое и просто жить. Впрочем, это было неизменное желание последних пяти лет, когда к жизни Лео начала подходить осознанно.

Чуть отстранившись, она повела плечами, словно её кожи коснулось что-то холодное. Осмотревшись на предмет сквозняков, Уайт заметила приоткрытое окно, через щель которого и проникал предательский сквозняк. Наспех закрыв его и потерев глаза, Лео отмахнулась от навязчивых

мыслей и поспешила в кровать. Одеяло создавало ощущение тепла и комфорта, а глухие звуки дождя приятно разносились по комнате, помогая девушки быстро погрузиться в пучину снов. На сегодня с неё хватит размышлений. Только сон. Только покой.

Недавно прикрытое окно вновь приоткрылось, впуская в комнату осенний ветер и несколько сухих листиков, упавших на край подоконника. Балдахин над её кроватью немного приподнялся и так же быстро опустился. А стул, стоящий около рабочего стола внезапно начал раскачиваться, неустойчиво стоя только на двух ножках какое-то время. Несколько исписанных листов воспарили в воздухе, словно их небрежно откинул возникший в спальне ветер, а стул со скрипом вновь опустился на пол, стукнув ножками по каменной кладке.

Лео уже не слышала этого, она крепко спала.

Глава 2

В просторной обеденной, отделенной от основной кухни, гудели голоса, смешиваясь друг с другом. Ужин в стенах Риверхолла всегда отличался обилием блюд. Шведский стол и полное самообслуживание – залог самостоятельности учеников. Уж положить на свою тарелку еду и дойти до столика – не такая уж и большая работа. Последний прием пищи отличался от завтрака и обеда наличием десерта. Сегодня был штрудель, от которого Уайт не смогла отказаться, а так же традиционный пастуший пирог, который подавался порционно в круглых глиняных мисках. На выбор несколько салатов, но от них девушка отказалась, заняв один из дальних столиков. Преподаватели, служившие этому месту больше двадцати лет, всегда собирались за прямоугольным центральным столом, но Лео никогда не решалась подсесть к ним. Обычно она принимала пищу в обществе Грейс, но сегодня та отказалась от приема пищи: старшекласник с переломом ноги и последующим постоянным надзором – не входил в её планы на начало учебного года. Плохая идея поиграть в футбол под дождем, поскользнувшись на грязи. К счастью, не сломал шею, клумба смягчила его падение.

– Лео.

Вилка так и застыла над штруделем, когда она услышала голос позади себя.

Леона нервно улыбнулась.

– Мистер Харингтон, – она учтиво привстала (скорее по привычке), но была усажена обратно взмахом руки.

Темноволосый мужчина опустил поднос на стол, садясь напротив девушки. Преподаватель литературы и истории, совмещавший две должности из-за необходимости, а не по воле своего желания, когда-то был и её учителем. От того казалось совершенно непривычным сидеть с ним за одним столом. Его лицо отличалось привычным добродушием, мягкостью и простотой. Ему было чуть больше тридцати лет, но округлые щеки, казалось, сохранили детскую припухлость на фоне вполне коренастого тела среднего роста. Впрочем, его точный возраст Уайт не знала, лишь догадывалась.

– Нас же не слышат, – он кивнул на увлеченных едой и разговорами учеников. – Можешь обращаться ко мне просто Джеймс. И, желательно, на «ты».

Его простота подкупала, вызвав у девушки кивок и неловкую попытку вновь вернуться к штуделю.

– Ты сегодня одна. Надеюсь, мисс Роббинс в порядке? – трудно сказать, было ли это волнение или обычное любопытство, но он неторопливо помешивал сахар в кружке с чаем.

– Разве вы не знаете? Мальчик из выпускного класса сломал ногу, – пальцы оглаживали основание вилки. – Пришлось везти его на школьном автобусе, который на половине пути увяз на выезде, даже не выехав на центральную дорогу.

– К своему стыду, я проспал большую часть дня, – его

усмешка была немного растерянной, даже виноватой. – И чем же кончилось дело?

– Говорят, директор Леман попросила своего сына помочь. Они отвези Нейтона в центральную больницу Бейквелла, – тихо выдохнув, Лео опустила взгляд на желанный десерт. – Рентген, перелом, гипс. Вернули его обратно, теперь он будет ещё несколько дней под наблюдением Грейс, а потом, надеюсь, сможет вернуться к занятиям. С костылями.

– А как же спорт? Сможет играть?

– Думаете, он первый футболист, который сломал ногу? – от тихого смеха не удалось удержаться, хоть и выглядел он нервным. – Не меньше трех недель в гипсе, реабилитация, а потом, если он научится думать головой, вновь вернется в команду.

– Зная родителей мистера Дюка, так просто эту ситуацию не забудут.

– Вины школы тут нет, – мгновенно возразила Леона, взявшись за остывшую чашку с чаем. – Это случилось по его же глупости. Но, кажется, директор здорово отчитала воспитателей за то, что позволили ему покинуть школу в такую погоду.

– Трудно остановить юношу его возраста, если у него шило в известном месте.

– Да, – согласилась девушка.

Долгожданный штрудель оказался совершенно безвкусным и несладким, как предполагала Леона. Только сильный

привкус корицы и её ощущение на зубах доставляли дискомфорт, который поспешно пропал, после пары глотков чая. Ожидание совершенно не соотносилось с реальностью, как часто бывает. И дело вовсе не в штруделе. Мистер Харингтон всегда казавшийся уверенным и спокойным педагогом, в неформальном общении оказался совершенно другим человеком. В глазах, которые он так часто опускал, скрывалась неуловимая тайна его прошлой жизни, из-за чего он стал таким, как сейчас. Насколько знала сама Уайт, Джеймс не покидал школу даже на летние каникулы, обосновавшись тут в последние десять лет.

Обычно школа полна слухов о каждом, либо преподаватели невольно рассказывают о своей жизни, но Харингтон оставался в этом книгой, запечатанной на десятки замков. Может, его прошлое таит страшную тайну? Или он просто слишком скромн?

Тем не менее, человеком он был хорошим, а это позволяло отбросить ненужные подозрения, касающиеся его личности.

Когда с ужином было покончено, они, не сговариваясь, поднялись со своих мест и оставили подносы в приемную зону, где их поспешно подхватила щупленькая девушка, унося в сторону моек. Лео было совестно от того, что в помойку угодил добрый кусок штруделя, но насильно его съесть не могла, как бы не старалась. Подхватив из фруктовой корзины яблоко, она решила, что обязательно полако-

мится им, когда вернется в спальню.

Одна из служащих быстро пробежала мимо молодой преподавательницы, быстро говоря о подносе для больничного блока. С их стороны было весьма мило позаботиться о больном и самой Грейс, которая не могла покинуть пределы медицинского пространства, заботясь и ухаживая о нерадивом футболисте.

Обмениваясь короткими фразами о погоде, учениках и прохладе помещений, мистер Харингтон и Лео дошли до третьего этажа, застыв на центральной площадке: сквозь небольшие двери виднелась часть комнаты отдыха для педагогов, где был предусмотрен вай-фай (едва ли доходивший до них со второго этажа), несколько диванов, стол с шахматами, книжные полки и разведенный камин.

– Спасибо вам, – и быстро исправилась, – Тебе. Что составили компанию за ужином. Я ещё не привыкла к новой должности.

– Понимаю, – повел плечами Джеймс, неловко цепляя носком ботинка ковровую дорожку на полу, — Когда я пришел работать, то ещё несколько лет вставал с постели и думал, что опаздываю на занятия, – он сказал это тихо, словно стыдясь подобного, – К счастью, потом привык. А так... Случайно вбежал на урок истории и сел за парту. Благо, этот инцидент быстро забылся, но мне до сих пор неловко.

Лео не особо верила в его слова, но они заметно развеселили её, вызвав улыбку на губах.

– Правда? – с неким недоверием, осведомилась Лео, у неё, к счастью, не было подобных ситуаций, но первые несколько недель было неловко стоять на преподавательском месте.

– Чистая правда, – закивал Джеймс, положив руку на грудь, – А ещё по привычке пошел в крыло для учеников и поднялся в комнату мальчиков. Задумался о чём-то. Очнулся только на ступеньках.

– С ума сойти, – улыбку уже не удавалось скрыть, пока она училась, то и подумать не могла, что у преподавателей может быть столько забавных историй о первых годах преподавания.

– Так что твоя неловкость перед новой должностью – это мелочи.

– Всё равно спасибо, – девушка коснулась пальцами резинового парашюта, чуть отряхивая юбку и поправляя собранные в свободный пучок волосы, этот жест вышел случайно, Лео не кокетничала. – Доброго вечера.

– И тебе, Лео, – кивнул Джеймс, неторопливо разворачиваясь и направляясь в преподавательское крыло, где была его спальня.

Весьма опрометчиво было выбрать себе покои в противоположной от всех стороны, где ещё шли работы над полом и стенами, но Лео предпочла эстетике уединение, подальше от любопытных глаз, следящих за молодым педагогом.

На место новой ковровой дорожки пришли привычные доски, по которым она ступала, поспешно гася за собой свет,

который был приветливо включен слугами, как только стемнело. Минуя основную часть коридора, девушка свернула за поворот, но едва ли её пальцы коснулись хлипкого выключателя, который держался на стене только благодаря проводам, Леона тихо охнула, вздрогнув.

– Что за чертовщина? – фыркнула Уайт, чуть скривив губы. С недоверием осматривая медного рыцаря, она поняла, что её смутило в знакомом коридоре. Статуя не стояла около стены, потому что кто-то передвинул её прямо к двери в покои преподавателя, явно позабыв, что тут теперь находится её спальня.

Почесав затылок, девушка осмотрелась, никого поблизости не было, хотя, когда она шла на ужин, этот рыцарь стоял у входа в арку на повороте коридора. Чуть поджав губы, Лео обошла его и потянулась к двери, но железная ручка была скрыта за доспехами – придется его переносить.

Из достоверных источников она прекрасно знала, что общий вес подобного обмундирования и нижняя подставка доходили до 40 фунтов. Для неё это казалось непосильной ношей, но, то ли от злости, то ли от упрямства, она показательно закатала свои рукава и обхватила железный корпус руками, с тихим стоном потянув в сторону.

Латы заскрипели под её пальцами, а доспехи накренились на бок, едва ли сдвинувшись на дюйм. Нижняя подставка с тихим гулом скрипнула по полу.

После второй попытки, Лео отстранилась, почувствовав

ноющую боль в пояснице от напряжения.

– Многоуважаемый рыцарь, я, конечно, всё понимаю, – пробормотала девушка, нетерпеливо постукивая ногой по полу, – Хотя нет. Не всё. Какого черта? – и вновь схватилась за его тело, вкладывая все свои силы, только бы отодвинуть эту махину в сторону. В её худощавом теле не было столько силы, сколько она себе воображала, зато злости – хоть отбавляй.

От силы, вложенной в отчаянный рывок, доспехи полетели прямо на девушку, с силой приложив её об пол и придавив к дощатой поверхности, через щели которой можно было разглядеть вековой камень. С глухим звуком Уайт ударилась головой, почувствовав, что в глазах потемнело. Гул стоял не только в ушах, но и в черепной коробке, а мир перед глазами плясал темными пятнами. Кричала она или нет – вспомнить не удавалось, но когда темнота рассеялась, ей удалось разглядеть своё отражение в шлеме, который находился напротив её лица. Легко двинув плечами, волшебница с недоумением посмотрела на стальные и медные нарукавники. Две латные перчатки упирались в пол, словно удерживая вес доспехов. Для подобной ситуации не удалось придумать объяснение.

Не мог обычный атрибут древности просто взять и поменять своё положение, не растеряв при этом креплений. Даже голова не отлетела, как было совсем недавно. Подобные предположения о его положении применимы к человеку, ко-

торый выставляет руки вперед. Но не к многовековым доспехам, которые чудесным образом нашли способ сгруппироваться, чтобы не раздавить молодую преподавательницу. В какой-то момент Лео померещилось, что она видит кого-то через забрало, но тряхнув головой, наваждение рассеялось. Удар, пришедшийся на её затылок заметно поубавил спесь, забурлившую в её крови.

Сквозняк, скользивший из приоткрытого окна, немного взбудрил сознание, а отцветающие вьющиеся розы щедро одарили старый коридор сладковатым запахом отцветающего растения.

Упираясь пятками в пол и отталкиваясь ладонями, Уайт удалось выскользнуть из-под доспехов, с недоверием осматривая позу рыцаря. Башмаки упирались носками в каменный пол, а налокотники были согнуты, словно он занимается отжиманиями, при этом ровно удерживая собственное тело. В Риверхолле происходило много необъяснимых вещей, но подобное было невозможно представить, словно каменный рыцарь взял и ожил, как бы глупо это не звучало.

Откинув взлохмаченные волосы на спину, и усмехнувшись своим глупым мыслям, Уайт попыталась взбодриться, вновь попробовав поднять рыцарские латы – тщетно. Плюнув на то, что создаст много ненужного шума, как и подобает смелой леди, она схватилась вокруг пояса за рыцаря и, удобнее взяв опору, начала их поднимать. Привычного рвения поубавилось, когда Лео поняла, что они весят едва ли чуть

меньше, чем она сама. Краснея и пыхтя от тяжести, девушка не сдавалась, с громким скрежетом оттаскивая доспехи к стене, тем самым расчищая проход. До его основного местоположения, конечно, Уайт не донесла бы это нечто, но хотя бы подняла и поставила по правую сторону стены около двери. Он и тут неплохо стоит, а уж найди она того, кто решил так подшутить, то точно устроит этому негоднику райскую жизнь. Видимо, кто-то из учеников решил поразвлечься на ночь глядя.

– Ну что, сэръ Ланцелот, стоять будешь здесь, потому что я точно надорвусь, если вновь попробую тебя сдвинуть с места, – она отряхнула руки от пыли, которая скопилась в складках доспехов, – Всего хорошего.

Дать виновнику несчастий имя – стало неким облегчением для этой ситуации. Девушка направилась в собственную спальню, желая принять ванну и смыть этот день с себя. Голова от ушиба ныла, но идти в медицинский блок не хотелось – Роббинс и так хватало забот с учениками. Решив не обременять её ещё больше, Лео взяла прохладный стеклянный флакон с лавандовым маслом и приложив к затылку, выдохнула. Становилось легче. В ушах перестало звенеть, а боль немного поутихла. Прикрыв глаза, она не успела расслабиться, услышав скрип за собственной дверью.

С остервенением отбросив свой компресс на стол, Лео недовольно рыкнула, быстро направляясь к выходу из спальни:

– Ну, вы сейчас у меня получите, шутники! – резко распахнув дверь, её лицо исказилось в досаде – никого не было. Для верности, девушка вышла в сам коридор, обойдя его от начала и до конца, но никого не было. Рука тут же нащупала очередной выключатель, освещая пустующее пространство.

Никого.

Только шлем рыцаря повернулся в ее сторону.

Глава 3

Как бы не пыталась Грейс сдерживать смех, у неё ничего не выходило. Девушки расположились в небольшой комнате, ведущей в спальню хранительницы этого пропахшего спиртом места, где Лео решила поделиться своей невероятной – как казалось ей – историей про рыцаря. Роббинс молчаливо выслушала рассказ, начиная от его загадочного падения до чудесного появления около спальни, но под конец рассмеялась, когда подруга осмелилась предположить, что в неё влюбились – мать их – доспехи.

– Скажи мне честно, Леона, ты вечерами стала прибухивать от одиночества? – чуть успокоившись, Грейс сложила руки на столе, придвинув к подруге чай, от которого та воротила нос.

– Не смешно, Грейс, я же серьезно, – вновь повторяла молодая преподаватель, стукнув по столешнице. – Я не сошла с ума. Эти доспехи с утра вновь стояли около моей двери. А вечером я нашла его в позе на одном колене и с розой в руке. Той самой чертовой розой с кустарника под нашими окнами, которые оккупировали внешнюю стену. – не унималась Уайт, – Найди хоть одно логическое объяснение этому?

– Логическое? Без проблем, – деловито начала Роббинс, облокотившись локтем о стол. – Какие-то влюбленные мальчишки решили сделать тебе приятный сюрприз и поколдова-

ли над несчастной статуей. А ты, перечитавшая сказок девочка, успела придумать невесть что. Говорила я тебе, года три назад, сходи на свидание с Луи Уокером, а то умрешь старой девой. Но нет же, всё принца ждешь. Рыцаря, – и недовольно развела руки в стороны, расхаживая по каморке, – Не бывает, как в сказках, детка. Не бывает. Это всё проделки воображения. Тебе просто одиноко. В твоём возрасте голова должна быть забита сексуальными мужиками, а не книгами и рыцарскими латами. Вот, что я тебе скажу.

Заметно стушевавшись, Леона замолчала, сложив руки на груди. Доля правды в словах подруги всё-таки была, может, она себе придумала эту историю про зачарованного рыцаря, но всем сердцем чувствовала, что это дело не рук влюбленных учеников. Нельзя сказать то, что она боялась, скорее – её мучило любопытство и желание разобраться в подобной ситуации.

– То есть, доспехи не могли поменять положение просто так?

Медсестра покачала головой.

– Конечно, нет, – в который раз повторила Грейс, что-то ища на полках с лекарствами, – Им больше пяти сотен лет. Единственная магия, которая может заставить их ожить, подвластна только Всевышнему, но вряд ли ему есть дело до Риверхолла. А то, о чем ты говоришь – всего лишь проделка учеников или твоего мозга. Не более. Поверь мне и выкинь из головы эти глупости. Я не хочу через пару месяцев наве-

щать тебя в психиатрической клинике, – она поставила перед девушкой небольшой пузырек с мутной настойкой.

– Зачем это? – не понимала Уайт, смотря на темную жидкость.

– От нервов. У тебя стресс, ты работаешь преподавателем чуть больше месяца, волнуешься, от того и придумываешь небылицы. Это поможет тебе немного успокоиться и прийти в себя, – Грейс настойчиво вложила успокаивающую настойку ей в руки, – Выпей и все твои галлюцинации снимет, как рукой. Поверь мне.

– Это легально?

– Я же не морфий тебе дала, а просто успокаивающие капли. Не больше чайной ложки, кстати.

– Попробую, – всё-таки согласилась Уайт, вставая на ноги и пряча в карман юбки пузырек, – Доброй ночи. Завтра вечером зайду.

– Лучше попозже, – попросила Грейс, вытирая руки о передник, – Нейтон ещё не спит в это время.

– Нейтон? – изогнула бровь волшебница.

– Футболист с переломом, – напомнила Грейс, чуть понизив голос, – Засыпает ближе к полуночи, не хотелось бы, чтобы кто-то нас слушал.

Согласно кивнув и ещё раз поблагодарив подругу, Леона покинула медицинский блок. В эту ночь она шла по коридорам быстрее, чем прежде. Если на этот раз рыцарь вновь преградить ей вход в спальню, то она точно пойдет к дирек-

тору и попросит убрать его с этажа куда-нибудь подальше. К черту такие игры, нервы дороже. Может, Роббинс и права, у неё вновь начались галлюцинации, как было в детстве. Приемная мать рассказывала, что, будучи ребенком, она говорила, что видит своих мертвых родителей, даже описывала их. Помнится, несколько месяцев её водили по различным психологам, даже давали какие-то таблетки, пока видения не прекратились. Правда это было или детский вымысел – никто не знал, а Лео не помнила этих моментов. Наверное, если бы сейчас её родители вновь ей привиделись, то она была бы рада, но этого не происходило. В конце концов, привидения или призраки прошлого её совершенно не пугали. Но двигающийся рыцарь – это было что-то новое.

Свернув в свой коридор на шестом этаже, девушка с опаской огляделась. Факелы всё так же отбрасывали причудливые тени, но доспехов нигде не было.

Может, его всё-таки убрали? – подумала она без особого энтузиазма и включила весь свет в коридоре.

Ничего. Пусто.

Посмотрев на настойку в своей руке, она с сомнением подошла к открытому окну, выглядывая. Темное небо нависло над горизонтом, а влага, витавшая в воздухе, проникала внутрь Риверхолла. Кто постоянно открывал это окно – неизвестно, возможно, уборщица. Это было весьма опрометчиво, учитывая, что школа и так с трудом прогревалась и страдала от нападков плесени.

Закрыв широкую створку, Лео вновь посмотрела вдаль коридора. Непривычно пустынно, бесшумно, словно все уже легли спать. Хотя это было бы очевидно, они засиделись с Грейс, что было чревато тяжелым утренним пробуждением.

Пройдясь до конца коридора и заглянув в каждую нишу, она нигде не нашла доспехи Ланцелота (как она прозвала его), абсолютная пустота. Только потемневший пол на месте, где раньше он стоял.

– Что ж, – пожалала плечами девушка и направилась к своей двери, – Так даже лучше.

Пройдя внутрь, Лео откинула в сторону записную книгу и закатала рукава свитера, зажигая свет в комнате. Стоило только оглядеть привычные покои, как по её спине поднялась волна мурашек, а волосы, казалось, встали дыбом от ужаса. Горло сдавило не вырвавшимся криком, а ноги приросли к полу. Какого же было её удивление, что проклятые доспехи оказались прямо напротив её зеркала. Стояли смиренно, только вытянутый палец касался отражающей поверхности.

– Это мои галлюцинации, – вслух начала повторять Лео, словно заученную мантру. – Просто галлюцинации. Я не хочу попасть в психиатрическую клинику! Сейчас я закрою глаза и досчитаю до пяти, – повторяла она, прижимая руки к груди и пытаясь унять своё бешеное дыхание, ей просто это видится, словно в безумном сне, коих бывает достаточно в её жизни. – Всё пройдет, я просто устала. Мне это кажется...

Кажется.

Голос хоть и хрипел, но был полон веры в обычное помещательство, вызванное Риверхоллом. Ещё в школьные годы её преследовали кошмары, когда голова касалась подушки, основанные на выдуманных легендах старших девочек. Теперь же во всей красе играла былая травма, преисполненная шлейфом накрывшей её взрослой жизни, с которой она билась как утопающий с волнами.

Уайт с силой сжала веки, накрыв лицо руками и бормоча себе под нос:

– Один, – глубокий вдох и выдох, нужно было успокоить свои мысли. – Два, – плечи немного расслабились, – Три... – очередной глубокий вдох и легкий звон в ушах, – Четыре, – сердце немного успокоилось, а в голове пронеслось то, что ей нужно больше спать, – П... п-пять, – голос дрогнул.

Сейчас нужно было открыть глаза, но девушка медлила. Вдруг он всё ещё стоит перед зеркалом в её комнате. Если это так, то Грейс права, ей требуется помощь специалиста, потому что такие видения к хорошему не приведут, она точно сойдет с ума. Кажется, она продолжала так стоять целую минуту, собираясь с силами и успокаивая саму себя. Когда терпение всё-таки кончилось, она посмотрела в сторону зеркала и чуть не задохнулась от шока. Лучший хоррор фильм, номинируемый на Оскар, даже рядом не стоял с той реальностью, которую она видела в HD формате собственной жизни.

Шлем был повернут в её сторону, как и железная рукави-

ца, которая до этого момента касалась зеркала. Удивительно, как она не услышала скрипа ранее. Он словно протягивал к ней руку.

Лоб Лео нахмурился.

– Ты настоящий? – это был риторический вопрос, на который никто не дал ответ, а «Ланцелот» продолжал стоять. – Господь милостивый, *что ты такое?*

Медленными шагами девушка пошла в его сторону, сжимая флакон успокоительного в своем кармане, но доспехи не сдвинулись даже на дюйм. Определенно, ей казалось, что за ней наблюдают, хоть у рыцаря не было глаз. Опасливо протянув руку к железным доспехам, Уайт заметила, как дрожат собственные пальцы. Ладонь Ланцелота так и оставалась протянута к ней, когда девушка робко провела по ней ногтями, осторожно накрывая.

– Я точно сошла с ума, – нервно рассмеялась Уайт, вглядываясь в забрало, но не видела ничего, кроме темноты. – Теперь мне мерещится, что ты живой, – её брови немного сдвинулись к переносице и приподнялись. – Не мог же ты войти в мою спальню и... Или мог? – она мягко проводила ладонью дальше по рукавице, касаясь локтевого сгиба и выше, очерчивая наплечники и обходя его со стороны железной груди. – Если ты стоишь тут, значит, мог, – продолжала вести диалог с самой собой, удержав руку на плече и чувствуя практически ледяной холод. Она уже не была на грани безумства, а просто вступила в него как в ледяную воду реки

Ривер Уай.

Резкий скрип и шлем повернулся в сторону её лица, испугавшись этого, волшебница рванула назад, но зацепилась за резную ножку зеркала и готова была свалиться навзничь, но её падение остановила железная рука, до боли впиваясь в талию Леоны.

Это мгновение показалось падением в глубокий и неуловимый сон, словно у пьяного, теряющего контроль над собственным телом.

«Итак, что мы имеем: на дворе 2022 год, самолеты летают, дети учатся, а меня удерживают от падения железные доспехи. Всё вполне логично для человека с психическим помешательством и галлюцинациями» – пыталась рассуждать Лео, неотрывно смотря на забрало и чувствуя, с какой силой древнее железо впивается в её мягкую кожу спины. Пытаясь сохранить опору, девушка устойчиво поставила ноги и выпрямилась, отходя от доспехов и наблюдая за тем, что они застыли в том положении, в котором её и держали.

Положение казалось неустойчивым для его механизма, но он не рассыпался на детали.

– Ты можешь двигаться, – она ощущала свое бешеное сердцебиение где-то в горле, приподняв указательный палец и пытаясь сопоставить факты, которые имела, – И ты пришел сюда сам, – продолжала она, слыша собственное хриплое дыхание, – Стоишь в моей комнате, – тяжело сглотнула, – И только что поймал меня, – её рука коснулась спины, на ко-

торой всё ещё ощущала болезненную пульсацию от хватки рыцаря, – А ещё я схожу с ума. Прекрасно.

Подобных историй Уайт ещё никогда не слышала, даже в сказках, которые читала Шарлотта перед сном. В Риверхолле десятки статуй и доспехов, но именно те, что стояли около её спальни, решили ожить и сводить молодую преподавательницу с ума. Может, ей что-то подлили за ужином? Не могло же это случиться настолько внезапно, когда, казалось, нормальная жизнь только началась. Очередной скрип вывел её из размышлений, и рыцарь выпрямился прямо на её глазах, чуть вода шлемом в одну сторону и в другую, словно разминая собственную шею. Складывалось впечатление, что внутри них кто-то есть, но Лео не слышала чужого дыхания, только своё.

Наручень согнулся в локте, когда рыцарь поднес руку к собственному лицу, сгибая заржавевшие пальцы, разминая их и разглядывая. Подумав про себя, что он подошел к зеркалу не просто так, Лео приоткрыла рот.

– Ты хотел себя разглядеть? – тихо спросила она, сделав робкий шаг к доспехам и постучала по зеркалу, – Смотрел на себя, да?

Доспехи в районе шеи скрипнули, кажется, он пытался кивнуть, но получалось с трудом. Что творилось в её голове – трудно описать, десяток мыслей бились о собственный череп, но каждая из них была безумнее предыдущей.

– Что ж, ты меня понимаешь – это уже неплохо, – потя-

нувшись к его пальцам, Лео начала их осматривать, замечая, что под внешней начищенной оболочкой всё проржавело, от этого ему с трудом давались все движения, – У меня есть масла, но ароматизированные. Может, они немного тебе помогут.

Удивительно, что среди роя её мыслей не было той, которая призвала бы её отправиться на поиски помощи. Явно предполагая, что это видение рассеется с первыми лучами солнца, как обычный ночной кошмар. Просто слишком яркий и реальный.

Несколько неуверенных шагов назад привели Лео к первому препятствию – стол, цепляя пальцами его углы и не сводя взгляда с оживших доспехов, девушка неуверенно схватила первое попавшееся эфирное масло. Вряд ли от них будет много пользы, но профилактика паразитов – не так уж и плохо, в сравнении с полным бездействием.

«Господь свидетель, Уйди, что ты творишь?» – мысленный зов к собственному разуму оказался лишним отголоском, не сказавшись на дальнейших действиях.

– И всё же это катастрофа, – тихо и рвано пропищала она, скривив лицо.

Нечто, совершенно несуразно переставило еле гнущиеся ноги, а потом, волей случая, плашмя упали поперек кровати, издав такой гул, что вибрация прошла по стенам.

– Если вам так удобно, – Лео удержалась от того, чтобы не дать себе пощечину, смотря на происходящее. В таком по-

ложении он казался бы безобиднее, если бы основная часть доспехов медленно и, скрипя, не подняла железное туловище, приводя его в подобие сидящего положения.

Руководствуясь теорией о том, что нельзя показывать свой страх, Леона нашарила на рабочем столе старую кисточку, неторопливо подходя к рыцарю. Откупорив сосуд с ароматизированным маслом, она с трудом протолкнула в горлышко кисточку, обмакивая грубые волоски кисти.

В груди бился глухой страх, словно к ней пришла сама старушка Смерть, только в облике доспехов для пушного устрашения. А её тщетные попытки помочь – отсрочка перед неминуемым.

– Я смажу Вас. Надеюсь, что вы не против, – в подтексте прозвучало «будь, что будет», но не может же она просто стоять. Звать на помощь? Её даже не услышат.

Кончик кисточки коснулся локтевого сгиба, реакции, к счастью, не последовало. Проталкивая масляные волоски под доспехи, Уайт поражалась тому, что не находит там даже намёка на препятствие.

Внутри было пусто.

Будь это изобретение или последствие новых технологий, ей бы удалось обнаружить хотя бы проводок, а тут – совершенно ничего. Доспехи рыцаря двигались сами по себе, словно заколдованные. Или их двигало то, чему в природе ещё не нашлось объяснения. Некая магия, сила, дух? А, может, всё и сразу. После каждой смазанной части его рук,

«Ланцелот» убеждался в возможности шевелить своими конечностями, тихонько поскрипывая, но при этом не мешая Лео.

Уайт неторопливо начала промазывать каждый изгиб рыцарских лат, стараясь проникнуть как можно глубже. Закончив с руками и телом, бывшая ученица Риверхолла опустилась на колени, чтобы смазать стык его ног, начиная от латных башмаков и заканчивая налядвенником. Гульфика решила не касаться в силу собственных этических принципов, вдруг новоявленный Ланцелот не оценит подобного вторжения.

Вновь поднявшись на ноги, Уайт тронула забрало, но рука рыцаря остановила попытку его поднять, настойчиво убирая кисть от шлема. Хотя хватило лишь первого касания, чтобы девушка быстро одернула руку. Любое его движение в сторону вызывало желание отскочить к противоположной стене и незаметно наблюдать, но, вместо этого, пропахшая маслом, девушка отступила в сторону, поставив флакон с кисточкой на окно и растирая между пальцев остатки жидкости, начинающие пахнуть ещё сильнее от контакта с теплой кожей.

Воздух в комнате казался невероятно плотным, с трудом проскальзывая в легкие. Температура заметно упала, но желанной свежести не было, лишь ароматы лаванды в пронизывающем холоде, перебивающие запах старых доспехов.

Предплечник двинулся, но привычного скрипа не было, только небольшой гул. Нечто продолжало проверять свою

мобильность, лавируя на краю постели. Плед под ним сбил-ся, пуская бордовые волны. Издали это походило на неровное пятно крови, расплзающееся по бледной постели. Жуткая картина казалась невероятной для мозга обычного человека, далекого от феноменов.

Прожив чуть больше двадцати лет, Леона никогда не сталкивалась с невероятным нос к носу, а, если и сталкивалась, то, вероятнее всего, забывала об этом. Жизнь протекала настолько размеренно в постоянных попытках бежать от одной цели к другой, быть полезной семье и не мешаться под ногами у тех, кто достиг значительно больше. Её жизненная позиция соответствовала мироощущению того, что она – тот самый второстепенный герой в чьей— то жизни.

– Что ты такое? – едва слышно произнесла девушка, не двигаясь с места. В любом случае, если бы это нечто хотело ей навредить – это уже произошло бы.

Рыцарь в один рывок поднялся на ноги, но продолжил стоять, лишь жуткое забрало было повернуто в её сторону в совершенно неестественном положении. Разумеется, голоса не последовало.

– Не играть же мне с тобой в шарады, – ахнула она и чуть вздрогнула от гула очередного поворота головы в попытке кивнуть. – Чудесно. Вопрос – ответ превращается в вопрос – кивок.

Вцепившись в подол юбки, Леона неловко переступила с ноги на ногу.

– Твоё имя мне не узнать – это очевидно. Ведь у тебя нет рта, не так ли? – игра выглядела нервной, словно жертва в плену маньяка пытается договориться о помиловании.

Кивок, слишком медленный, но явный.

– Тебя не зовут Ланцелотом. Но я буду называть тебя так, пока что, – неуверенный шаг вперед и цепкий взгляд. – Ты связан с этими доспехами?

Если это необъяснимая магия, то ожившие доспехи – лишь прикрытие того факта, что могло их оживить.

Забрало отрицательно поскрипело из стороны в сторону, подтверждая теорию молодой преподавательницы. Настольная лампа предательски замигала, на короткое мгновение, погаснув и вспыхнув вновь. Сердце забилося чаще, но паника не отразилась на бледном лице.

– Что ж, тогда я смею судить о том, – она сглотнула, приблизившись к нему на расстоянии вытянутой руки. – Ты – призрак.

Ответа на это не последовало, доспехи оставались совершенно неподвижными.

– Это был вопрос, – поспешила уточнить она, сложив руки на груди. Посмотри на эту картину кто-то со стороны, то посчитал бы Уайт умалишенной. Возможно, оказался бы в этом прав. В её глазах не было откровенного страха: настороженность – да, интерес – несомненно. Не каждый день человек может столкнуться с тем, чего не объяснит наука. Да и о какой «науке» может идти речь, когда прямо напротив неё

стоит живое (или не очень) доказательство существования потусторонней жизни? В том, что это несчастный дух – даже не было сомнения.

Прокручивая в голове десятки фильмов в жанре фэнтези, Уайт пыталась составить логическую цепочку его появления. В шоу, где разбирали происшествия, связанные с потусторонним миром, ведущий всегда говорил героям об истоках, том, с чего это началось и почему коснулось именно их. Всегда была незримая нить, связывающая происходящее бусинами, пока это ожерелье не замыкалось.

– Так ты призрак? – тише повторила Лео, скользя взглядом по доспехам к забралу. Темнота внутри рябила перед глазами, сквозь маленькие щели казалось, словно внутри царил тёмно-синий туман, изредка искрясь. Предполагая, что это только проделки её воображения, девушка поджала губы.

Кивок. Медленный. Подтверждающий.

– Это многое объясняет, – словно эксперт, заключила девушка. – В конце концов, теперь понятно от чего толкаться. Узнаем кто ты, какую миссию не завершил и твоя душа обретет покой. Элементарно.

«Элементарно» – пропитанное усмешкой, сарказмом и смешком с шлейфом начинающегося безумия. Какие к черту привидения? Кто ей поверит? Такого же просто не могло быть. Даже, если и могло, то точно не с ней.

Рыцарь скептически повел латами, а потом развернулся к ней, смотря в упор. Выглядело немного устрашающе, хотя он

не двигался с места, только его стальные пальцы сжимались и разжимались.

– Ты когда-нибудь сражался на войне? – тут же предположила она, ведь подобный вопрос был очевиден для обладателя подобной брони. Рыцарь покачал головой. – Но ты родился давно? – согласие. – Отлично! Ой, то есть... Это многое поясняет. Веке эдак в шестнадцатом? – отрицание, – Семнадцатом? – снова, – В девятнадцатом веке не носили подобные доспехи, ты меня обманываешь!

Тот самый преподавательский тон, словно она говорила с мальчишкой, а не призрачными доспехами, появившимися в её покоях. Трудно было предполагать то, что могло бы натолкнуть её на истину о происхождении призрака. Ведь достоверно известно, что когда-то он был человеком, а потом он умер или был убит.

– Ты вообще связан с этими доспехами? – яростное отрицание и сжатые железные пальцы. – Всё-всё, я поняла. Ты призрак, который как-то в них оказался, только и всего. Да хватит водить головой, – её руки невольно ринулись вперед, обхватив шлем с двух сторон и крепко сжимая пальцами, по которым потянулся невероятный холод, а в груди всё сжалось в тугую комок.

Ладони плавно скользнули ниже, проходясь по доспехам и падая по швам, как у безвольной куклы. Взгляд был устремлен вниз, сравнивая размер её ноги и латный башмак.

– Наверное, ты страдаешь, – не поднимая головы, произ-

несла девушка. – В противном случае, твоя душа была бы свободна, ты бы переродился, а не оставался узником Риверхолла, – горло сдавливала досада, но какой-то внутренний огонек не позволял просто опустить руки. – Ты же понимаешь, мне никто не поверит, но я постараюсь тебе помочь, обещаю...

Резко втянув воздух, Леона повернула голову, видя на своём плече тяжелую латную перчатку, чуть сжавшую её мешковатый свитер. С опаской посмотрев вверх, она пыталась уловить настроение призрака, но это оказалось невозможным. Тем не менее, вреда он ей не причинял.

– Тогда продолжим, – правый уголок рта дрогнул в подобии улыбки. – Ты полтергейст? – рыцарь пожал плечами, – Привидение? – такое же действие, – Призрак?

Латы бездействовали, а потом вновь пожалы плечами. Изобилия книг и фильмов, разницу между тремя составляющими этих понятий Уайт знала.

Полтергейст отличался беспорядочным передвижением предметов и звуков. Привидение – существо с человеческой фигурой, способное передвигать предметы и даже разговаривать.

Призраки. С ними было труднее. Обычно это была неуспокоенная душа, которая не смогла перейти через границу иного мира, так как оставила незаконченные дела на земле. Это белый силуэт, не принимающий какую— то конкретную форму, но способный на удивительные и доселе

неизведанные вещи. Самый загадочный из всех представителей умерших.

Классифицировать ожившие доспехи не удавалось, но Уайт настроилась разобраться в этом и помочь рыцарю освободиться и найти покой. Нет большего наказания, чем то, которое он нёс на своей душе. Если он ассоциировал себя с «жертвой», то всяко должен был обрести покой. Будь он злодеем – то подобная кара ему подошла бы. Вдруг этот Ланцелот обманывает её? Должна же быть причина, по которой он остался на земле.

– Ты убивал? – внезапно сорвалось с губ Леоны, она даже немного отошла от него, отмечая, как сильно сжались железные руки, чуть заскрипев. Латы обернулись в сторону девушки, и рыцарь отрицательно покачал головой. Врал он или нет – трудно сказать, но всякую вину отрицал.

Задумчиво пройдясь по комнате, она что-то тихонечко себе нашептывала под нос. словно сопоставляла всё то, что успела узнать от призрака.

– Ты умер в Риверхолле? – с резкой остановкой последовал и вопрос. Лео обернулась к призраку, сразу же улавливая кивок. – В таком случае, я смогу узнать, кто ты.

Решительным шагом дойдя до постели, девушка опустилась на неё, забираясь с ногами, словно пряча ступни от холода полов.

– Риверхолл всегда славился своими тайнами и загадками, чего только стоит обилие выдуманных историй и серии

пожаров, которые...

Доспехи так резко развернулись к ней, наклоняясь и опираясь железными рукавицами в постель по обе стороны от бедер молодой преподавательницы, которая отклонилась назад, дабы не столкнуться с шлемом лбом. Призрак кивал и явно желал, чтобы она зацепилась за собственные слова.

– Серия пожаров? – и вновь кивки, ноги затряслись от такой близости с неизведанным. – Твоя история связана с пожарами?

Доспехи продолжали кивать, пока не убедились в том, что девушка уловила нужную ему мысль.

– Я поняла тебя. Поняла, мне нужно больше узнать о пожарах и тогда я пойму, как ты связан с ними. Да и вообще – кто ты, – шумно сглотнув, Леона отодвинулась на соседнюю половину кровати, буквально отползая от него. – Но я смогу это сделать только утром, после занятий. Ночью интернет в Риверхолле под запретом, только в строго отведенные часы. Думаю, ты знаешь, что в этом месте и сеть ловит с трудом... Говорят же, что Риверхолл прок... – и прикусила собственный язык. Произнести «проклят» – было бы слишком жестоко по отношению к неуспокоенной душе, жаждущей того, чтобы его наконец-то услышали и поняли.

Ланцелот внезапно выпрямился и тяжелыми шагами отошел к стене, словно стараясь её больше не пугать.

– Обещаю, – внезапно произнесла Лео, следя за тем, как доспехи послушно становятся около стены, – Как только кон-

чатся занятия, я сразу же пойду в комнату отдыха и поищу в интернете всё, что есть о пожарах и тех, кто был связан с этим местом.

Реакции не было, но Уайт предположила, что в эту ночь он больше не намерен её чем-то пугать. Доспехи стояли неподвижно, пока она укрывала ноги пледом, даже не удосужившись переодеться в спальную одежду. Разве можно уснуть, когда в твоей комнате настоящий призрак? Любое телевизионное шоу заплатило бы сотни тысяч, только бы увидеть доказательство подобного. Разумеется, Леона не собиралась продать несчастного, как диковинную игрушку для жаждущих зрелищ людей. Деньги ей не помешали бы, но совесть не купить за миллионы, поэтому она спокойно опустила голову на подушку, неотрывно смотря на силуэт застывшего Ланцелота. Будто обычная статуя, охраняющая дверь в её покои. Завтра ей нужно как-то раздобыть машинное масло, дабы облегчить передвижение этих доспехов. Только, где его взять? Может, у садовника завалилось что-то подобное?

Усталость тяжким бременем давила на голову и плечи. Вступая в схватку со сном, девушка тихонько щипала себя за руку. Нужно держаться, нельзя засыпать. Одежда и одеяло приятно согревали тело, что стало ещё одним препятствием в этой борьбе. Невзирая на сопротивление, Лео всё-таки уснула, напоследок успев подумать о запахе лавандового масла, который витал в воздухе её комнаты.

Внутренние часы у Уайт работали лучше, чем будильник,

который она не завела с вечера. Словно не засыпая, девушка распахнула глаза, отмечая, что солнце уже поднялось над горизонтом. Резко сев на постели, она с удивлением приоткрыла рот. Рыцаря не была на том месте, где она видела его в последнее мгновение своего бодрствования, взамен этого, он сидел на краю постели прямо около ног, обращая забрало в её сторону.

Это был не сон.

– И тебе доброе утро, – голос казался хриплым, заспанным, а тело ныло, словно она вчера делала упражнения на все группы мышц. Шлем скрипнул в знак приветствия, вызывая легкую дрожь.

Едва не свалившись с постели, запутавшись в покрывале, девушка всё-таки встала, неторопливо направляясь в сторону шкафа и вынимая с полку заготовленную стопку одежды. Подхватив с крючка полотенце, она небрежно бросила его на плечо. Надев закрытые тапочки, Леона направилась к двери.

– О, нет-нет, сэръ Ланцелот, – тут же предупредила она, невольно упиравшись руками в его грудь, – Ты со мной не пойдешь. Мне нужно в ванну.

Вновь двинувшись к двери, девушка обернулась – снова шёл. Словно щенок, которого покормили на обочине дороги, но домой взять не смогли.

– Ты что, оглох? – кажется, Уайт начинала закипать, нервы от пережитого брали своё, – Ты не можешь идти со мной, я буду мыться и... – она придумала самую бредовую идею, –

От влаги заржавеешь так, что потом маслом не спасем. Сиди тут. Я быстро.

Доспехи опустили руки по швам и отступили назад. Опасливо озираясь, она закрыла дверь перед его носом, выходя в освещенный солнцем коридор. Давно над Риверхоллом не растилались теплые осенние лучи, не было даже намека на тучи. А окно вновь оказалось открытым, впрочем, сегодня это не казалось чем-то раздражающим. На улице казалось теплее, чем в коридорах школы.

Ванная комната находилась напротив её спальни, что не могло не радовать. Разумеется, в неё ходила только Лео, не желая обходить весь коридор до отремонтированного преподавательского крыла, ведь там санузлы были для каждой комнаты отдельные. Когда-то ремонт доберется и до этой части, но сейчас Лео всё устраивало – жить в уединении – не так уж и плохо, особенно в свете последних событий.

Пространство было вымощено щербатым булыжником, который неровно покрывал стены, пол и потолок. Ванная уходила в пол на добрый метр, напоминая небольшую выемку, но там можно было спокойно вытянуться во весь рост даже двум высоким людям. Помимо привычного запаха гари, тут ещё и пахло сыростью, как бывает в подвалах. Напор воды из старого крана оказался слабым, но постепенно наполнял пространство каменной купальни. Сегодня не было времени лежать и отогреваться. Скинув одежду и поспешно спустившись по ступенькам, Лео присела на последнюю, тут

же хватаясь за шампунь. Мылась непривычно быстро, втирая хвойный шампунь в волосы с такой силой, что по телу начали стекать белые пенные струйки.

Поспешно смываясь, она несуразно залезала головой под кран, чувствуя, что холодный камень даже не успел прогреться от воды, хоть она и была горячая. Большое окно из цветной мозаики поспешно запотело, а в воздухе появилась мутная плотность, похожая на туман.

Ещё никогда она не принимала ванну настолько быстро, все время озираясь на дверь. Боялась, что шум воды заглушит его появление. Не зная о возможностях этого призрака, Леона поспешно покинула купальню, насухо вытирая тело. Скручивая полотенце она вертела им, отбивая волосы для того, чтобы они быстрее высохли. Использовать фен в Риверхолле, где от лишнего напряжения можно обесточить часть здания, никто не решался. Собрав влажные волосы в косу, она решила, что они досохнут сами. Облачившись в кардиган, теплые чулки и юбку, девушка поспешила на выход из ванной, отодвигая засов двери и распахивая её.

– Да твою мать! – вскрикнула она, во все глаза уставившись на рыцаря, который стоял прямо перед дверью. – Я же просила тебя быть в комнате! Вот же ж... – она понизила голос, словно боясь быть услышанной, быстро обойдя его, девушка толкнула дверь спальни и указала в свои покои – Живо внутрь! – громкий шепот был похож на недовольное шипение.

Доспехи обернулись и послушно пошли назад мимо девушки, сверлившей его взглядом. Фыркнув, она вошла внутрь и закрыла дверь. Какое счастье, что она запирала ванную комнату, иначе её точно бы ждал сюрприз в лице средневекового рыцаря, плескающегося среди мыльных пузырьков.

– Ты не можешь ходить за мной, – повторяла молодая преподавательница, подготавливая папку с нотами и большую тетрадь размера А4, с множеством вставных листов и чуть стертыми краями. – Это неправильно, понимаешь? Тебя могут увидеть, понять, что ты такое и продать на ток-шоу или ученым, которые будут проводить над тобой эксперименты. Хочешь стать подопытной крысой? – читая нотации, она то и дело опасалась, что может что-то забыть. – Я уже смирилась, что ты не уйдешь отсюда, но, умоляю тебя, не ходи за мной в ванну. Не знаю, девушка ты или парень, судя по поведению, второе, – Лео прижала к груди свои конспекты, встав напротив него. – Я же девушка, мне неловко, что меня могут увидеть голой. Личное пространство, слышал о таком.

Рыцарь кивнул.

– Отлично, хоть это ты знаешь, – сарказм так и скользил в её словах. – А теперь веди себя тихо и никуда не уходи. У меня уроки с младшими классами, потом я схожу к садовнику и спрошу у него хорошее масло для стали. К тому времени в комнате отдыха будет интернет и я смогу найти немного информации. Попробуем во всем разобраться.

Снова знак согласия.

– Прекрасно, – и поспешила к двери, бросив самую бредовую фразу в этой ситуации. – Не скучай.

Она ещё долго давала себе мысленные оплеухи за сказанное, но надеялась, что её слов будет достаточно, чтобы этот призрак не искал приключения на стальную макушку. Ноги быстро семенили по ступенькам, пока на лестничном пролёте её не окликнул голос.

– Леона, доброго утра! – Харингтон в идеально выглаженной рубашке и черных брюках спускался следом вместе с преподавателем химии, низкорослым стариком мистером Коулманом, сжимающим тонкими пальцами, обтянутыми дряхлой кожей, поручни и спускался значительно медленнее. Химик был глуховат, но оставался одним из самых старых преподавателей школы, так же как и большинство тех, кто обучал детей.

– Доброго утра, – как-то слишком быстро произнесла Лео, обратившись сразу к двум, а потом продолжила путь с такой скоростью, что догнать её не получилось бы. Она скрылась за поворотом, направляясь к учебному классу. Внутри ещё пахло свежей краской, которая покрывала старые батареи. Стены, выкрашенные в светло-желтый цвет, вызывали какие-то больничные ассоциации, но Лео сейчас думала не об этом. Бросив папки на рабочий стол, она оглядела пространство, все парты были сдвинуты, а вокруг них, ровным прямоугольником, располагались стулья для учеников. Если

добавить немного фантазии, то можно было бы вообразить, что это круглый стол Короля Артура. Скажем, он мог бы сидеть во главе, а один из его рыцарей, сэр Ланцелот...

Ланцелот.

Теперь это ассоциировалось только с тем, кто сейчас находился в её спальне. Она и подумать не могла, что в новом витке её жизни появится то, что она не сможет объяснить. Устраиваясь на работу и вступая в новую жизнь, Леона предполагала, что она будет полна новых ощущений, опыта, возможно, даже первой любви, но у судьбы на неё были другие планы, пославшие ей призрака Риверхолла, подтверждающего все страшилки об этом пропахшем гарью месте.

– Мисс Уайт? – в дверь просунулась макушка светловолосого мальчишки. – Можно войти?

– А... Николас, да-да, – девушка растерянно отступила от стола. – Заходите.

Шестиклассники в количестве семи человек, четверо из которых мальчишки, быстренько зашли в класс, рассаживаясь за столом. Бордовая форма яркими пятнами возникала в этом светлом пространстве, привлекая внимание преподавателя.

– Итак, на прошлом занятии мы смотрели с вами балет. Понравилась ли вам соната Ференца Листа для фортепиано? – девушка выдавила из себя улыбку, дабы не вызвать подозрения у детей.

Прекрасно понимая, что со следующего года эти ребята

перестанут посещать занятия по музыке и вряд ли вспомнят то, чему она их учила, девушка надеялась, что диалог сможет оставить небольшой след в их памяти.

Клавиши старенького фортепиано немного фонили из-за нарушенной акустики помещения, но Леона продолжала скользить тонкими пальцами по клавишам, растворяясь в мелодии, извлекаемой этим инструментом. Тонкие детские голоса сливались в унисон, исполняя песенку «Грустный мальчик», пока преподавательница аккомпанировала в нужной тональности, тихонько им подпевая.

Молодая Уайт никогда бы не призналась в том, что обладает талантом и призванием в этой профессии, но музыка приносила покой её душе, наполняя до самых кончиков пальцев.

К концу двух уроков шестой класс заметно взбодрился, на их лице не осталось тени от прежней сонливости. Покидая учебный кабинет, они задорно пахали мисс Уайт рукой, продолжая напевать приставучие песенки и потешки. Следующими на занятие пришли пятиклассники, разучившие несколько традиционных песен, которые Лео поспешно подобрала на фортепиано. Всего на пару секунд ей удалось немного забыться, не вспоминая о призрачном рыцаре, скрытом её покоем, но внезапный внутренний страх зашевелился где-то в районе живота, поднимаясь к горлу тошнотой и головокружением. Что, если его найдут? Вряд ли Ланцелот решит себя выдать, но как она объяснит доспехи в своей

комнате? Врать она не умела, хотя давно пора научиться.

Во время обеда преподаватели жаловались на перебои в электроэнергии и интернете, вторя, что гроза могла что-то повредить. С опаской поджимая губы и кивая, Лео слушала лишь в пол уха, даже не притронувшись к еде, только развозила её по тарелке, а потом ушла, быстро убрав посуду за собой. Ей нужно было добраться до каморки садовника, расположенной на территории Риверхолла, поискать машинное масло, которым смазывали газонокосилку.

Не обращая внимания на прохладный ветер, девушка выбежала из центральной двери, обхватывая себя руками. Зябко, но терпимо. Перепрыгивая ступеньки, она поддерживала передний край юбки, прибавляя шаг. Минуя главную клумбу, где потемнели цветки, сгибаясь пополам от наступающих холодов, ноги сами несли её вперед, вдоль забора и дальше, минуя здание с щитовой. Подлезая под склоненными ветвями плакучей ивы, девушка добрела до хранилища инвентаря для сада.

На двери висел большой заржавевший замок.

Мистер Уилсон приезжал несколько раз в неделю, ухаживая и облагораживая местную зелень, но с наступлением осени его визиты становились редкими: виной всему дорога, которую размывали дожди. Ключ хранился у него и у директора, но к последней Лео не рискнула бы идти. Как она объяснит то, что ей необходимо масло? Это вызовет больше подозрений, ведь ранее она не интересовалась подобным.

Обойдя небольшое строение, она тщетно оглядывала импровизированные полки на внешних стенах, но кроме небольших дощечек и гнутых гвоздей, ничего не нашла, тихонько застонав.

– Мисс?

Голос раздался из-под гибких веток ивы, которые раздвинула мужская рука. Следом показалась макушка с немного влажными медными волосами, а потом и сам мужчина. Лицо его казалось знакомым, возможно, он захаживал в Риверхолл, но имени его Леона не знала. Выпрямившись во весь рост, он легко стряхнул с черного распахнутого пальто прилипшую листву. Ветер скользнул по отросшим волосам мужчины, донося до Лео легкий шлейф его одеколона, терпко щекотавший горло, сжимающегося от внезапной встречи.

На его плече она заметила моток проводов, крепко сжимаемый пальцами.

– Мисс, – повторил он, чуть хмуря брови. – Ученикам нельзя быть рядом с электрической подстанцией. Это небезопасно. Вы не видели знак? – и кивнул куда-то назад, за ветви дерева из которых вышел.

– Я... – слова застыли в горле, – Я ходила в инвентарное строение. Нужно... Между прочим, я вовсе не ученица, а преподаватель.

Его лицо немного вытянулось от изумления, но потом на губах пролегла улыбка, обличая редкие морщинки, скрывающиеся в уголках рта. В глазах плясали чертята, что совер-

шенно не соответствовало его заметному статусу и возрасту. Он явно был старше самой Леоны, но точно опередить то, сколько ему лет, девушке совершенно не удавалось. Вероятнее, больше тридцати. Про таких Грейс любила говорить «стать и опыт», но с ними совершенно не соотносилось ребячество, видневшееся в голубых глазах.

– Прошу прощения, мисс... – неловкая пауза возникла как ожидание к дальнейшему пояснению.

– Уайт. Леона Уайт, – скрывая свои истинные мотивы, девушка выпрямилась, но пальцы продолжили нервно натягивать рукава.

– Приятно познакомиться, мисс Уайт, – он протянул ей ладонь с немного расслабленными пальцами. Я – Адам.

Отвечая на его рукопожатие, девушка отметила жар и мягкость его ладони.

– Кажется очень странным, что я вас не помню. В Риверхолле я знаю всех, – с неким подозрением, произнесла девушка, поднимая подбородок, чтобы лучше видеть лицо высокого мужчины.

– Я – нечастый гость в Риверхолле, – вполне честно и открыто признался он. – Пришел помочь, – и чуть подкинул провода на своем плече. – Непогода принесла немало проблем школе, перебои электричества стали слишком частыми, а это влияет на гармоничную работу заведения, где учатся и живут дети.

– А, так вы – электрик, – поспешно догадалась Лео, чуть

улыбнувшись. – А я-то думаю, почему мне кажется знакомым ваше лицо.

Послышался тихий смех, мужчина отрицательно помотал головой.

– Нет, я не электрик, но неплохо в этом разбираюсь, – и чуть облизнул губы, вновь посмотрев на девушку. – Так что вы тут делаете, мисс Леона Уайт, да ещё и в таком виде? На улице холодно.

Действительно было странно видеть девушку в свитере и юбке, не накинувшей верхнюю одежду, хотя полосы термометров твердили о том, что стоит переходить на тепле куртки, так как потепления не предвидится. Тем не менее, сегодня было солнечно, лучи так и играли в тёмно-рыжих волосах собеседника, привлекая взгляд своим ярким мерцанием.

– Я искала мистера Уилсона, думала, он сможет мне помочь, – немного отстраненно произнесла Леона, складывая руки на груди в попытке согреться. – Его сегодня нет, поэтому мне стоит вернуться в школу.

– Может, я смогу Вам помочь? – слова мужчины остановили попытку Лео скрыться. – Конечно, я не мистер Уилсон, но руки у меня растут из того места.

Его тон не был деловым, скорее, совершенно дружеским, словно они знакомы много лет.

– Вы? – и невольно усмехнулась, произнося то, что хотела бы удержать в собственной голове. – У вас, случайно, нет машинного масла?

– Странная просьба от девушки, но, на вашу удачу, есть, – улыбнулся он, чуть кивая головой. – Моя машина стоит около ворот, если вы не против, то можем прийти и, пожалуй, я пожертвую вам упаковку. Ведь для благих целей, не так ли?

– Более чем, – уклончиво улыбнулась Уайт, позволяя Адаму распахнуть перед ней ветви плакучей ивы.

Оставив моток проводов в трансформаторной подстанции, мужчина спокойно закрыл её, убирая ключ в карман. Это было странно для человека, который не являлся электриком или служащим в Риверхолле, но он вел себя весьма спокойно, вышагивая вперед по тропинке рядом с девушкой.

– Что же вы преподаёте, мисс Уайт? Надеюсь, я правильно обращаюсь к вам? – поинтересовался он, опуская взгляд на девушку, чья макушка едва ли доставала ему до плеча.

– Что вы имеете в виду?

– У вас нет кольца на пальце, значит, вы «мисс»?

– Да. Мисс, – согласилась Леона. – Я преподаю уроки музыки.

– Ранее не замечал вас среди преподавателей, хоть и лицо ваше кажется знакомым, – задумчиво протянул Адам, стягивая со своих плеч пальто и набрасывая его на девушку. – Не переживайте, мне не холодно, – поспешно пояснил он, замечая её изумление. – Как давно вы тут?

– Это мой первый месяц работы, – честно призналась Леона, не видя смысла скрывать подобное. – Ранее я училась в Риверхолле. Вероятно, мы с вами пересекались. А вы? Как

давно вы помогаете школе?

Его пальто ещё хранило тепло тела, согревая Леону даже через свитер. От него тянулся шлейф дорогого одеколона, влажной земли и осенней листвы.

– Сколько себя помню, – тихо выдохнул он, сворачивая на центральную дорогу школы. – Я тоже когда-то учился тут.

– Значит, отдаете дань благодарности Риверхоллу?

– Назовем это так, – и вновь улыбнулся, пропуская Леону вперед, за ворота, где стояла Toyota Camry темно-синего цвета. Нельзя сказать, что это был самый элитный автомобиль, но выглядел он новым, хоть на капоте и боковых дверцах остались следы грязи, в которой он, вероятнее всего, увяз, пока добирался до Риверхолла.

Его машина не стояла ни сигнализации, поэтому он поспешно прошел к багажнику, открывая его и шурша какими-то бумажными пакетами. Лео забралась ногами на небольшой камушек, дабы не испачкать свои ботиночки в грязном месиве дороги.

Адам вернулся с целой бутылкой машинного масла, чуть потрясая её – по звуку казалось, что там было больше половины, а потом протянул пластиковую бутылку золотого цвета девушке.

Мужчина, довольный собой, улыбнулся.

– Если понадобится ещё – только скажи, – улыбнулся он, останавливаясь напротив неё. – Выбираться из Риверхолла – непростая задачка.

– Думаю, мне этого хватит, – поспешно уверила его Лео. – Большое спасибо за помощь.

Она явно хотела грациозно спрыгнуть с камушка, но ботинок на тонкой подошве, едва коснувшись земли, заскользил по влажной листве и она, потеряв равновесие, полетела назад, спиной вниз. В считанное мгновение, Лео представила, какое грязевое пятно расплзется по её юбке и свитеру, как только она коснется земли. Но предполагаемого падения не последовала.

Руки мужчины проскользнули под её, вовремя подхватывая девушку и, с завидной легкостью, удерживая от предполагаемого падения. Правда, пальто всё же упало, соскользнув с её плеч.

– Не ушиблась? – тут же спросил он, ставя девушку на ноги. – Наверное, я слишком сильно тебя схватил.

– Вы убереги меня от падения, – удивилась Лео, услышав нотки жалости в его голосе. – Бога ради, ваше пальто...

Они одновременно ринулись к земле, подхватывая твидовую ткань за наплечник и резво поднимая вверх.

– Мне очень жаль, – девушка усидела покрытый грязью рукав. – Со мной всегда так, вечно какие-то проблемы. Я оплачу вам химчистку.

– Бросьте, Лео, это же пустяки, – улыбнулся он, от чего веснушки стали ещё заметнее на бледной коже. – Это просто одежда.

– Это хорошая одежда, – сказала она. – Мне действитель-

но жаль.

– Не берите в голову, – Адам перекинул пальто через своё предплечье. – Но, если желаете убедиться в том, что с ним всё будет в порядке, то оставьте ваш номер. У вас ведь есть телефон?

– Есть, но сеть в Риверхолле нестабильна.

– Я так понимаю, это отказ, – вполне спокойно заключил мужчина, но улыбка не пропала с его губ, пока он крутил свой мобильник между пальцев.

Уверив его, что это не отказ, а констатация факта, девушка всё-таки дала номер своего мобильного телефона. В конце концов, ей не хотелось остаться в долгу, и она обязательно поблагодарит Адама не только за спасение от падения, но и за щедро дарованную бутылку машинного масла. Распрощавшись с ним, девушка поспешила обратно в школу, дабы проверить: всё ли в порядке с призраком, оккупировавшим её спальню.

Минуя привычные лестницы и коридор, девушка поспешно вошла в комнату, оглядываясь.

Ланцелот сидел на кровати практически неподвижно. В какой-то момент ей показалось, что все его движения она придумала, но повернутая голова сразу развеяла подобную надежду. Дойдя до стола, она поставила на него машинное масло, отыскивая новую кисть. Скрипнув латами, рыцарь поднялся на ноги, подходя к девушке.

– А это что? – она указала на сломанный стул. – Твоих

рук дело?

Предполагаемый виновник застыл на месте, а потом невинно пожал плечами, словно стул сломался сам, без чьей либо помощи. У сидения, в буквальном смысле, не было двух ножек.

– А ты врун, оказывается, – она подняла остатки стула, пытаясь вернуть их на прежнее место, но без умелых лук и молотка у неё ничего не получилось. – Ты не призрак, а настоящая катастрофа. Как?

Ланцелот со скрипом развернулся и вновь поспешил на кровати, едва сгибая ноги, вновь опускаясь на мягкий матрас.

– Разумеется, ты не ответишь. Может, под этими мужественными латами скрывается мальчишка? – немного иронично подметила она, окуная кисть в пахучий раствор, чей запах сразу же заполнил комнату. – Машинное масло всяко лучше эфирного. Хоть и запах не из лучших.

Она вновь смазала его. Машинное масло ложилось хорошо и быстро, проникая под слои его обмундирования и позволяя призраку активнее шевелить своими конечностями. Дав ему наказ вести себя прилично, Лео спрятала бутылку в прикроватную тумбочку вместе с кисточкой, а потом засобиралась в комнату отдыха для преподавателей. Прихватив с собой мобильный телефон, она вновь закрыла спальню. От рук ещё невероятно сильно пахло, но времени разбираться с этим не было.

Поздоровавшись с проходящими в свои покои преподавателями, девушка тихо проскользнула через широкие двери в центральную залу, где приветливо горел камин и множество светильников на всех поверхностях. Компьютер был свободен, кто-то правда расположился недалеко от книжных стеллажей в креслах, но Лео не разглядывала, целенаправленно направляясь к источнику информации. Блок питания загудел, выдавая старину модели, но работал исправно, даже появился интернет.

Клацая пальцами по клавиатуре, словно по фортепиано, она вводила запрос «пожары Бейквелл». Глаза разбегались от количества статей, которые она открывала и быстро пробегалась по ним глазами.

«Ресторан понес убытки из-за пожара в...»

Нет, не то.

«Офисный центр вспыхнул, когда...»

Даже не близко.

Меняя задачу в поисковой строке, Лео уточнила: *«Бейквелл. Пожар в Риверхолле»*.

Первая же статья датировалась воспоминанием от 1875 года. В ней рассказывалось о том, что некий Бенджамин Ходон. Ранее просторное поместье принадлежало его семье, но из-за банкротства он был вынужден отдать государству родовое гнездо его семьи, из которого сделали интернат для сирот. Некоторые источники разнились с этой информацией, ведь кто-то писал о том, что здание Риверхолла было от-

дано в дар и не имело ничего общего с банкротством мистера Хоудона.

Ещё в одной из статей указывалось, что сам Бенджамин погиб, утопившись в реке Ривер, недалеко от собственного поместья. Во время первой мировой войны здание служило обучающей базой для военных. Через год там случился первый пожар, вызванный неисправностью дымоходов. Жертв не было, но здание пострадало. После восстановления, оно вновь стало интернатом. Последующий пожар случился в 1931 году. Вспыхнул скотный двор из-за уснувшего в пьяном угаре овцевода. Тогда пострадала восточная часть. Её восстановлением не занимались вплоть до 1955 года, а когда администрация города всё же бросила силы на восстановление, случилось неисправность среди электропитания, поступающего в Риверхолл неравномерно. Снова пожар.

На этот раз жертвами стали старый завхоз, задохнувшийся в своей постели, и один из работников кухни. Виктор Поуэр и Леонард Смит. Первые две жертвы, чьи имена хранились в архивах.

Долгое время зданием не занимались и лишили его электричества до выяснения обстоятельств, школа полностью базировалась на старых установках и не использовала новые технологии, отдавая дань старым английским традициям. Это было, своего рода, визитной карточкой Риверхолла.

Очередной пожар случился во время Рождественского торжества, когда проходил ежегодный бал в Риверхолле, ку-

да был приглашен сам премьер— министр. Опрокинутый на тканевую скатерть подсвечник вспыхнул, быстро распространившись до большой рождественской ели, украшенной бумажными гирляндами и игрушками, которые делали дети.

В списке погибших значилась Аманда Браун, Уильям Пирс и Лианна Роуз.

Все эти имена Лео аккуратно выводила на листочке карандашом, подписывая дату и год, дабы не запутаться в последовательности чтения. Последняя дата была 1988 год. Следом же шла запись о новом директоре, который занимает этот пост и по сей день. В 1990 году этот пост заняла Гвиневра Леман. Эта дата была уже знакома Уайт, ведь каждый знал историю Риверхолла начиная именно с этого времени, ведь миссис Леман занимала эту должность и по сей день. Много говорили о том, что она подняла эту школу буквально из руин, вложив в неё всё, что только могла. В то время здесь провели качественную проводку и искали спонсоров для восстановления здания. Капитальный ремонт начался в конце 2001 года, но уже в 2002 втором случился новый пожар. В дни каникул, когда дети разъезжались по домам, а сироты отправлялись в спортивные лагеря, рабочие занялись укреплением подвалов. В то время было закрыто большинство потайных ходов под школой, которые считались потенциально опасными для учеников, проживающих тут.

Ночью, когда работники покинули здание, в него проникла группа молодых людей, воспользовавшись незащи-

ценностью Риверхолла, дабы пожить чем-нибудь, щедро оставленным в стенах этого поместья. Не найдя того, что имело бы ценность, хулиганы подожгли подвальное помещение, дабы замести следы своего неудачного преступления. Среди погибших, чье тело не было найдено, значилось имя Алана Лемана...

– Заинтересовалась историей?

Сердце сделало кульбит, Лео вздрогнула, обернувшись. Прямо за её спиной стоял Джеймс, зажимая между страницами книги палец, и вглядываясь мерцающий монитор старенького компьютера.

– Мне казалось, что об этом инциденте знают все, – и заметно усмехнулась, замечая, как Лео накрыла записи своей ладонью. – С чего вдруг такой интерес, Лео?

– Хочется опровергнуть страшные легенды о Риверхолле, – не моргнув глазом, отозвалась она.

– Страшные? – послышался тихий смех. – Это жизнь, такое нужно принимать.

– Например? Ты что-то знаешь о пожаре 2002?

– Зависит от того, что именно ты хочешь узнать, – загадочно протянул он, подходя к небольшому столику и оставляя на нём книгу, словно подогревая интерес девушки.

– Про нападение на школу, загадочная смерть человека, чья фамилия одинакова с той, которую носит... Директор. Тут погиб её родственник? Муж, не так ли?

Джеймс заметно стусевался, чуть поджимая губы.

– Алан Леман, ты ведь про него? – Лео тут же кивнула. – Он не был мужем Гвиневры Леман, – взяв свободный стул за спинку, Джеймс подвинул его ближе к девушке, заметно понизив голос. – Это был её сын.

Рот от удивления приоткрылся. О таком в школе не болтали даже за закрытыми дверьми спален. Конечно, поговаривали о том, что у Леман есть дети, что её бросил муж, когда она стала директором, но не было рассказов о погибшем сыне.

– Я не знала, что у нее погиб сын.

– Об этом никто не знает. Почти. Вероятно, он жив. Долгое время думали, что Алан просто сбежал от гнета тираничной матери. Да и что можно было ожидать от парня в 20 лет?

– Не знаю, – сказала Лео. – Но раз про это не говорят, откуда ты знаешь?

– Я знал Алана. Мы учились вместе, он был немного старше. Бунтарь такой. А потом пожар и...

– Огонь беспощаден.

– Не настолько. Он будто испарился. А точнее сказать, сбежал.

– И от этого директор Леман такая... грубая?

– Грубая? Нет, она не грубая. Леман всегда была такой: строгой, сдержанной, жесткой. Без этого она бы не продержалась столько лет на этом посту. У неё холодная хватка и большие связи – это и позволяет школе держаться на плаву, иначе бы Риверхолл давно закрыли или продали под какое-

нибудь предприятие. Это дело всей её жизни.

Леона молчала, переваривая полученную информацию. Трудно было представить директора в роли матери, учитывая её сдержанность и губы, на которых никогда не было улыбки, лишь сжатая линия и напряженная челюсть. Ей было около шестидесяти лет, но на всех фотографиях, что хранились на стендах школы, её волосы всегда были неизменного серебристого цвета.

– Значит, её сын сбежал?

– Вероятнее всего. Это было в духе Алана. Он ценил свободу и мечтал о путешествиях, так что...

– Понятно, – рука сжала листок в кулак, словно замечая следы своего расследования.

– Может, выпьем чай?

Взгляд девушки был потерянным, а тело медленно поднялось на стуле. Голос при этом оставался совершенно ровным и бесстрастным.

– Доброй ночи, Джеймс.

Её поведение заставило мужчину растеряться, но он не хотел настаивать на своем обществе, вглядываясь в спину девушки до тех пор, пока она не скрылась за дверью.

Леона шла медленно, но рука её оставалась сжатой, скрывая листок с записями. Открыв свою дверь, она спокойно вошла внутрь. Доспехи так и оставались на её кровати в той же сидячей позе, но что-то изменилось. Дело было даже не в сильном запахе машинного масла. В полутьме горел свет,

который подрагивал на старом затертом ковре.

Горел камин, а рядом лежала рассыпанная пачка длинных спичек, оставленная кем-то ещё тогда, когда она только заселилась сюда. Дров в подставке поубавилось, но они горели внутри очага.

– Это сделал ты? – растерянно спросила девушка, поглядывая на Ланцелота.

Его шлем повернулся в её сторону, а затем кивнул. Недолго думая, она присела рядом, поспешно разворачивая листок в своих руках и ощущая боком невероятный холод, исходивший от тела рыцаря.

– Риверхолл действительно проклят, иначе не объяснить такое количество пожаров, – голос звучал тихо. Развернув измятую клетчатую страницу, она начала перечислять имена. – Ты Бенджамин Хоудон?

И эта догадка была бы самой очевидной, но рыцарь отрицательно покачал головой.

– Виктор Поуэр? – в голосе поубавилось надежды. – Леонард Смит? – и вновь отрицание, доспехи больше не скрипели и двигались вполне уверенно, благодаря машинному маслу. – Рождественский пожар? Аманда Браун?

Уверенное отрицание, это было не то имя.

– Уильям Пирс?

Ланцелот не находил в этом списке своё имя, а его латные руки сжались в тяжелые кулаки.

– Неужели Лианна Роуз? – женское имя сорвалось с губ,

как последняя надежда, но рыцарь вновь покачал головой.

Тихо выругавшись, Лео подскочила с кровати, со злобой сжимая листок, она подбежала к камину и бросила его в огонь, поднимая десяток мелких искр. Языки пламени с жадностью поглотили бумагу, превращая её в пепел, рассыпающийся по тлеющим дровам.

Схватившись ладонями за каминную полку, девушка склонила голову, тяжело задышав. В глазах защипало от непрошенных слез. Когда казалось, что она близка к разгадке, так ускользнула из её рук, словно птичка, которая вновь научилась летать.

Отчаянное озарение пронзило её от макушки до спины, когда она услышала глухие шаги позади себя. На ковре они стихли, призрак остановился, вытягивая руку вперед, но девушка обернулась быстрее, чем он успел её коснуться. Глаза Лео блеснули, удивленно смотря на него, словно она увидела его впервые. Как в прошлый вечер, когда доспехи оказались в её спальне.

– Алан Леман, – едва слышно произнесли её губы, а сердце стучало где-то в горле. – Ты – Алан Леман?

Железная рука рыцаря медленно опустилась. Они смотрели в упор друг на друга: призрак в лицо ошарашенной девушки, а она – в небольшие щели забрала, где клубилась неизведанная тьма, затягивающая в свои глубины.

Доспехи дернулись, а шлем отклонился назад, кивая в подтверждение её слов.

Наступила тишина.

Это была долгая ночь. Возможно, самая долгая за всю жизнь Уайт. Она лежала на постели, сложив руки на груди, и смотрела в толок, изучая трещины на узорчатом покрытии, которые тянулись к старой люстре на толстой цепочке. В воздухе пахло машинным маслом, не спасало даже приоткрытое окно, а треск камина казался оглушающим. Призрак сидел на другой половине кровати, изредка меняя положения рук, но не добиваясь каких-то слов от Лео.

Тот, кого считали пропавшим двадцать лет назад, оказался мертв и стал призракoм Риверхолла. Что страшнее? Всю жизнь обманывать себя тем, что сын сбежал, или знать, что он умер? По всей видимости, ответ на этот вопрос точно знала только Леона, нещадно отрывая заусенцы со своих пальцев, не обращая внимания на боль и кровь, сочащуюся из свежих ран. Но тогда как объяснить то, что двадцать лет он не давал никому знать о своей призрачной жизни и почему пришел именно к ней?

Повернув голову на его силуэт, Уайт какое-то время просто смотрела, а потом подползла ближе, незаметно касаясь рукой его плеча. Шлем повернулся в сторону её пальцев.

В груди саднила неизвестная ранее ей рана, она ныла, тянула, казалась невероятно большой и тяжелой. Перекинув ноги, девушка расположилась с ним рядом, но руку не убрала, поглаживая холодный металл ниже, в районе груди.

– Мне жаль, – сглотнула она, делая глубокий вдох. – Мне

очень жаль, Алан.

Показалось, что он вздрогнул от собственного имени, словно слышал его впервые за долгое время. Вероятнее всего, так оно и было.

– Нет ничего страшнее, чем погибнуть молодым, – сказала она, кусая губы. – Я не очень умный человек, но читала, что призраками могут стать только те, кто оставил на земле незаконченные дела, либо умерший так внезапно, что и сам этого не понял.

Шлем неоднозначно покачался из стороны в сторону. Нижняя губа Лео задрожала, а она вновь повторила:

– Мне очень жаль, Алана. Правда, очень-очень жаль, – из уголка правого глаза потекла одинокая слеза, рисующая дорожку на бледной коже. – Я не знаю, как тебе помочь, не знаю, что сделать, чтобы твоя душа обрела покой, а не оставалась заложником этих доспехов... Я не знаю этого, не знаю, у кого попросить помощи.

Внезапно её щеки коснулась обжигающая прохлада. Латная перчатка поднялась, а ледяные пальцы прошли по щеке, стирая непрошеную слезу, бесстыдно стекающую по её лицу от бессилия.

Осознание того, что он жалеет её, резало больнее ножа. Ведь это она должна его жалеть, она должна искать слова, чтобы подбодрить заблудшую душу, но Лео была бессильна, глупа перед открывшимся неизведанным чудом.

– В любом случае, я постараюсь узнать хоть что-то... По-

нять, как помочь твоей заблудшей душе, – её теплая ладошка накрыла стальную руку, а глаза закрылись, ощущая прожигающий холод на своем лице.

Алан не был злым духом. Он пришел не пугать её.

Алан просто искал помощи, искал спасение для своей заблудшей души, застрявшей в проклятом Риверхолле.

Не успела она сказать что— либо ещё, как в комнате раздался шум, кто-то уверенно и сильно стучал в дверь.

– Лео! – донеслось до слуха девушки, дернув лицом около пальцев призрачного рыцаря. – Открой!

– Твою мать...

Глава 4

Стук в дверь ещё звучал эхом в голове, поэтому Лео точно не смогла определить: не показалось ли ей? Когда он повторился, девушка окончательно пришла в себя, оценивая ситуацию. Время позднее, в её комнате призрак, заключенный в доспехе и стук настолько сильный, что прикинуться спящей невозможно. К тому же голос Грейс разбудил бы и мертвого, если бы того требовала ситуация.

– Быстрее, – зашептала Уайт, не представляя, куда собирается его деть. Доспехи с заметным гулким стуком передвигались из одного конца комнаты, в другую.

В шкаф не влезет, за шторой – он не настолько незаметный, под кровать – вряд ли поместиться, если только по частям.

– Балкон, – зашипела она точно дикая кошка, указывая на дверь. – Сюда!

Доспехи покинули пределы комнаты, очутившись на маленьком балкончике, словно продолжение интерьера.

– Давай же, Алан, давай-давай, – толкая доспехи ближе к стене, Лео даже не морщилась от холодного ветра, пронизывающего до костей.

На короткое время рыцарь замер, словно услышал своё имя впервые, что, собственно, было правдой. Последние 20 лет никто из живых к нему не обращался. Передвигая мас-

сивные ноги, призрак сложил руки на груди, подобно вековой статуе.

– Не издавай никакого шума, хорошо? – попросила она, сжав его налокотник. – Это Грейс, не думаю, что надолго.

Прикрыв балконные двери, волшебница суетливо убрала все папки и книги под свои подушки, наспех застилая постель. Оглядев комнату и поняв, что в ней не осталось чего-то подозрительного, Уайт открыла дверь.

– Я уж решила, что ты куда-то ушла, – вздохнула медсестра, проходя в комнату профессора и разминая шею. – Между прочим, я тебя ждала.

Только сейчас Лео вспомнила, что договорилась встретиться с подругой, после полуночи, но со всеми событиями – вылетело из головы. Откровенно говоря, молодая преподавательница просто забыла. События последних суток нарушили привычный ход вещей в её жизни.

Неотрывно следя за тем, как Роббинс присаживается на постель, поправляя складки своей облегающей юбки с небольшим разрезом на правой ноге, Лео покусывала нижнюю губ, ощущая свое бешеное сердцебиение. Казалось, будто вся правда на её лбу идет бегущей строкой в прямом эфире, обличая факт содеянного.

– Лео, ты вся зеленая, – констатировала Грейс, хмурясь. – Всё в порядке?

– Всё прекрасно, – слишком резко воскликнула Лео, дав хорошего петуха на голосовых связках.

Некоторое время Роббинс сидела неподвижно, размышляя, а потом резко поднялась на ноги, а в глазах пробежал хитрый огонек.

– О-о, моя маленькая девочка повзрослела? – и подергала бровями так, словно у них появилась общая тайна.

– Чего? – на выдохе сорвалось с потрескавшихся губ. – О чём ты, Грейс?

Отступив от Уайт на два шага, Роббинс оглядела пространство и потеряла руки, на цыпочках подходя к шкафу под недоуменным взглядом подруги. Схватившись за старые ручки, она быстро открыла створки. Азарт погас в глазах и почти растворился, когда она прощупала вешалки с одеждой.

– Грейс, ты меня беспокоишь, – Лео сложила руки на груди, неотрывно следя за медсестрой, заглядывающей за штору, а потом бегущей к кровати. Упав на четвереньки, она опустила голову вниз, вздернув бедра кверху.

– Да быть того не может... – прокряхтела девушка, отряхивая колени, пока поднималась. – Где он? Я безумно хочу познакомиться!

– Да с кем, Грейс? – пришлось повысить голос, чтобы облагоразумить Роббинс, молясь, чтобы она не решила проверить балкон.

Правильно говорят, что мысли материальны. Стоит только найти предмет страха – он материализуется в самый неподходящий момент. Створка балконных дверей скрипну-

ла, приоткрываясь и привлекая внимание «детектива». На губах Грейс вновь появилась озорная улыбка, а сама она, заметив то, как расширились глаза подруги, ринулась к балкону.

– Нет! – сорвалось с губ так же быстро и звонко, как бьют часы, оповещая о наступлении полночи.

Медсестру было не остановить, она перее подруги вылетела на балкон, оглядываясь. Потом подошла к перилам, ощупывая их на наличие веревки или связанных простыней, но ничего не было.

– Господи, – тихо охнула Грейс, взявшись за сердце. – Какой идиот поставил тут это страшилище?

Рыцарские доспехи едва ли могли её напугать, после такого захватывающего поиска. Вернулась в спальню она ни с чем, застав в центре Леону, которая была бледнее простыни.

– Ты как привидение, – скандировала Роббинс, закрывая за собой дверь. – Ты действительно была одна?

– Одна? – эхом повторила девушка. – Нет, не одна. Тут я и груз моих нескончаемых проблем, которые я люблю перебирать перед сном.

Тон звучал осуждающе, скрывая животный страх, который она пережила. Стушевавшись и неторопливо садясь на постель, Грейс поцокала языком: а ведь вечер мог быть интересным. В Риверхолле и так тихо как в склепе, Грейс хваталась за любую возможность, которая могла оживить эти стены и избавить её от рутины и скуки.

– Ты думала: я тут прячу парня?

– Думала? Бога ради, я надеялась!

Лео закатила глаза, а потом покачала головой. Мысленно молясь, чтобы призрак не устроил непрошенное шоу, она потеряла шею.

– Не дуйся, милая. Я просто хотела проверить, всё ли у тебя хорошо. Узнать, чем ты занимаешься.

– Чем я могу заниматься? – устало вздохнула Леона. – Готовилась к занятиям, сама только вернулась из комнаты отдыха. Домашнее задание учеников – отдельный вид пытки, – не моргнув глазом, соврала она, хотя боязливо следила за тем, чтобы медсестра не трогала подушки, под которыми она спрятала записи о пожарах в Риверхолле.

Может, этот разговор звучал бы иначе, если бы девушка не знала, что у нее на балконе спрятан призрак, история которого не даст ей покоя.

– Я так и подумала, – пожалала плечами Грейс, присматриваясь к лицу молодого профессора, – Святая дева Мария, ты видела себя? Откуда такие синяки под глазами, подруга? Ты вообще спала?

– А? Да-да, просто увлеклась чтением, ты же меня знаешь, – иронично процедила она, но к зеркалу всё-таки подошла. Лицо было уставшим, но не настолько, чтобы бить тревогу. – Как твой пациент?

– Стремительно идет на поправку, – показалось, что в голосе послышалась грусть, хотя Грейс улыбалась, – Через

неделю вернется к занятиям со своим костылем в придачу.

Попытка сменить тему помогла переключить Роббинс.

– Вот и чудесно, у тебя появится больше времени на себя, – с оптимизмом хлопнула в ладоши Лео, – Или что-то не так?

– Всё так, – Грейс выглядела подозрительно, но от чего-то пыталась скрыть своё внезапно поникшее состояние. – Директор планирует устроить вечеринку для учеников в честь Хэллоуина. Надеюсь, обойдется без очередных неприятностей. Помнится, в прошлом году Харви подшутил над парочкой ребят из десятого класса так, что они провалялись два дня в медицинском с сильным отравлением и нескончаемой рвотой, – её лицо скривилось от неприятных воспоминаний, она как раз проходила стажировку в Риверхолле, – Пенная вечеринка, черт бы её побрал.

Представив подобную картину, девушку передернуло. Немало выпало на плечи Роббинс во время её первого года работы. Оправдывало то, что они всего лишь дети и им хочется дурачиться, но здравый смысл у происходящего должен быть. Не хватало ещё новых жертв.

– Педагоги будут дежурить, Грейс, не переживай, – успокоила её Лео, делая усилие, чтобы не посмотреть в сторону балкона.

Грейс молча откинулась назад и легла поперек кровати, не спеша вернуться обратно в свои покои, но внезапно села, нащупав что-то твердое под одеялом. Несколько раз проведя

ладонью по выпуклость покрывала, она достала из-под него флакон с знакомой темной жидкостью.

– Ты не выпила успокоительное? – в голосе проскользнули нотки негодования, – Лео, я же просила.

– Не было необходимости, – девушка забрала настойку у подруги, оставив на прикроватную тумбочку. – Но держу его под рукой.

– А чем у тебя так... – она наморщила нос, принюхиваясь, – Пахнет?

– Пахнет? – не поняла Уайт, не замечая чего-то особенного.

– Я бы сказала, воняет, – Роббинс поднялась с постели, словно выискивая причину запаха, как собака-ищейка.

На мгновение Лео показалось, что подруга двигается обратно в сторону балкона, резко дернувшись в её сторону, но Грейс замерла на мгновение, втягивая носом воздух. Вернувшись к тумбочке, она провела по ней пальцами.

– Это что? Машинное масло? – она коснулась столешницы, растирая густую жидкость между пальцами. – Всё в масле.

– Ах, да, – потеряв затылок, девушка двинулась к балконной двери, чуть приоткрывая её, чтобы запах не был так ощутим, – Смазывала двери, они ужасно скрипят.

С подозрением кивнув в сторону балкона, Грейс проговорила, вытирая руки о носовой платок:

– Открой дверь шире, пусть проветрится.

– Ночью открою, когда спать лягу. Кстати, очень устала, – это был тонкий намек на то, что ей хотелось бы остаться одной, но Роббинс не поняла, опустившись на стул.

– Как обстоят дела с теми доспехами? Больше не двигались? – повседневно осведомила она, вырисовывая пальцем что-то на столе и задумчиво вглядываясь в древесное покрытие, – Когда я шла, то не видела их.

– Унесли, – сорвалось с её губ быстрее, чем она могла себе представить. – Да, куда-то унесли. Я уж и забыла.

– Правда? А вчера мне казалось, что ты очень впечатлена.

– Ты же говорила, что это от усталости. Поспала и всё прошло, – никогда ещё Уайт так бессовестно не врала подруге. – Ты была абсолютно права, у меня просто разыгралось воображение.

– Рада это слышать, – встав с довольной улыбкой, Грейс положила свои руки на её плечи. – Больше отдыхай, дорогая, впереди непростой год. Не буду тебя отвлекать, ты же собиралась спать, – она кивнула на кровать, а потом легко поцеловала подругу в щеку, – Я просто зашла проверить тебя. Думаю, что мне тоже стоит выспаться.

– Спасибо, – уголки губ тронула смущенная улыбка. – И тебе доброй ночи, Грейс.

Быстро закрывшись, Леона шумно выдохнула, прижав руки к груди. Всё происходящее – настоящее безумие. У неё точно поедет крыша, если она не разберется в этой ситуации. Лучшим решением было бы рассказать Грейс правду, но ре-

акция на неё могла бы быть противоположна той, в которую хотелось бы верить. Сперва нужно самой решить, что делать и как поступать с этим призраком. В конце концов, она – не героиня ТВ-шоу, да и вообще – не главный персонаж в собственной жизни.

Шумно выдохнув, девушка уперлась руками в собственные колени. Сердце стучало в груди настолько сильно, что отдавалось болью в ребрах. Сделав принудительный глубокий вдох, Лео выпрямилась, направляясь к приоткрытой балконной двери, сквозняк которой нещадно трепал тонкую занавеску, мешая спокойно пройти.

– Ушла, – с облегчением, сообщила она, высунув голову на балкон.

Доспехи стояли неподвижно.

– Эй, слышишь меня? – недоумевала Уайт, выходя полностью и стуча по его шлему, – Пойдем обратно, – ответа не было, – Уснул что ли? Алан или как там тебя? Говорю, заходи обратно.

Ответа на её слова не было, а в груди что-то болезненно укололо.

С силой схватившись руками за его плечи, девушка потрясла доспехи, от чего они заскрипели, но не двинулись. Схватившись за его латную перчатку, она легонько согнула её, но никакой реакции не было. Несколько дней этот «Ланцелот» сводил её с ума, местами пугал, а теперь стоял и не двигался. Выглядело подозрительно. Набралшись смелости,

Уайт подняла забрало, взглядываясь в пустоту, а потом так же быстро закрыла с легким стуком.

Что могло произойти за то время, пока Роббинс была в её комнате? Неужели наличие живого человека в её спальне развеяло дурман галлюцинаций? Но нет, Лео не сумасшедшая, она точно знала, что доспехи ожили, а в них был заточен один из погибших в пожаре Риверхолла – Алан Лестер.

Порядка целого часа девушка расхаживала вокруг этих доспехов, сгибалась, била по ним, звала его, но в ответ слышалась полнейшая тишина. Рыцарь застыл, словно статуя, как и было раньше. Никакого намека на то, что он сейчас вновь начнет качать головой или расхаживать по комнате преподавателя, постукивая своими железными ступнями.

– Ну же, пожалуйста, – голос немного охрип от досады, пока она раз за разом проводила руками по холодной железной груди, – Как же так? Как мы сможем помочь тебе, когда ты просто стоишь. Алан. Алан, ну же, – зло стукнув по доспехам, волшебница опустила вниз, облокотившись о каменное ограждение балкона и запуская руки в свои волосы.

«Я же не сумасшедшая. Не сумасшедшая. Это не было моей галлюцинацией, все было по-настоящему!» – кричал её разум, заставляя сильнее сжимать собственные волосы на макушке, едва ли не рыча от досады.

В голове появилась шальная мысль о том, что ей могло всё привидеться, но как же тогда объяснить капли масла? Уайт прекрасно помнила, как смазывала эти доспехи, чтобы он

мог двигаться и как — то доносить до неё то, что необходимо узнать. Не могла она дотащить его до балкона или спальни, благополучно забыв об этом. К тому же, теперь Леона знала его имя — Алан. Юноша, погибший в результате пожара в 2002 году.

Единственный способ убедиться во всём, так это выпить злосчастное успокоительное, оставленное Роббинс. Если уж это и помутнение рассудка, то, хорошенько проспавшись, всё должно вернуться на круги своя. Так девушка и поступила, вбежав в спальню и быстро отмеряя дозировку и выпивая горьковатую жидкость с явным привкусом спирта. Успокоительное неприятно обволакивал горло, но она не морщилась, раз за разом, возвращаясь на балкон и следя за смиренно стоящими доспехами.

Что-то теплое скатилось по губам девушки, вынуждая провести по ним рукой. Прозрачная и соленая капля — предательские слезы, которые появились в её глазах от мысли и осознание, что этого молодого парня уже нет в живых.

Лео хотелось верить, что он красив. Ей так казалось, особенно улыбка. Интересно было услышать голос и пообщаться, но эти глупые мысли не сопоставимы с реальностью того, что человека больше нет, как и шанса узнать правду о случившемся. С нескрываемой скорбью, Уайт опустила на подушки, поджимая к груди колени и неотрывно смотря на измятый листок.

Как жаль, что это была всего лишь проделка её фантазии.

Закрыв глаза, она попыталась вообразить его, воссоздать тот образ, который всплывал в голове. Движения рук, мимика, поворот головы – красочно, словно по-настоящему. В её воображении он казался четким, не размытым, как это бывает. Парень двигался к ней навстречу, показывая рукой большой палец вверх. Лицо было трудно рассмотреть, но это был он.

Уголок его рта приподнимался в хитрой ухмылке при взгляде на неё. Он движется к ней через футбольное поле Риверхолла, совершенно пустынное в поздний час. Алан обращивается к трибунам, широко раскидывая руки в стороны, словно наслаждаясь осенним ветром, трепавшим его волосы. Закрывая глаза, юноша ловил каждое дуновение, пока Лео-на неотрывно смотрела на его спину, неторопливо приближаясь.

Протянутая тонкая ладонь опустилась на его плечо, немного сжимая темную кофту под пальцами и чувствуя плотную ткань, скрывающую тело Лестера от осенней прохлады. Он замер, медленно опустив руки по швам, а потом неторопливо обернулся, от чего пальцы девушки скользнули по его груди. Холодной, словно металл. Твердой, неживой.

Глаза Алана оставались закрыты, но его лицо начинало меняться: веснушки пропадали с щек, как и румянец, он поспешно бледнел до тех пор, пока оттенок его кожи не стал серовато-голубым. Это не была аристократичная бледность, скорее...

О, Господь!

Трупная. От правой щеки начало растягиваться темное пятно, проходя через кожу насквозь и обнажая почерневшие зубы, высыпающиеся через получившуюся дырку. Кожа будто сгнивала на глазах, поглощая правую часть его лица, шею и одну руку. В считанное мгновение, одежда парня превратилась в жалкую и оборванную материю, темнея и рассыпаясь. Вновь посмотрев на него, Уайт ужаснулась – пустые и черные глазницы, череп обтянутый остатками темной и гнилой кожи.

Одернув свою руку, девушка попятилась назад, спотыкаясь о внезапно возникшие камни под её ногами. Поля больше не было, только остатки жухлой травы. Тело человека превратилось в скелет с развивающимися остатками одежды, а костлявая рука потянулась к ней, застывая в воздухе.

К горлу подступила тошнота, Лео ринулась бежать вперед, подальше от ужасающей картины. Борясь с собственным недомоганием, она поднималась по склону к школе, вбегая в центральный двор с круглой клумбой в центре. От сухих цветов тянулись искры, поднимаясь к небу, а Риверхолл от главного входа до самой крыши был поглощен языками пламени. Тело ощущало этот пронизывающий жар до самых костей, а вспышки, вылетающие из разбитых окон, вынуждали щуриться и прикрывать лицо.

Уайт ринулась через боковую тропу, дабы избежать касания пламени, но в ту же секунду натолкнулась на парня, ко-

торый стоял в дверном проеме заднего входа, а его тело было покрыто трещинами, которые, казалось, заполнены жидким огнем.

Его лицо она не успела разглядеть, потому что в следующую секунду с громким гулом каменная стена разлетелась в разные стороны.

Вдох.

Крик.

Уайт подскочила на собственной постели, хватаясь за саднящее горло. Руки продолжали с силой впиваться в одеяло, пока она успокаивала своё сбившееся дыхание

Кошмары, ставшие верными спутниками ещё в детстве, приобретали новую форму, становясь ярче, стирая грань между сном и явью. Они преследовали Лео и днем, и ночью. Засыпая с включенным светом, она продолжала надеяться, что ночь будет спокойной, но просыпалась с ужасом или криком.

Этот сон мучил её больше месяца, несмотря на обилие снотворных и успокоительных. С той самой ночи, когда рыцарь перестал двигаться, она видела один и тот же кошмар, заканчивающийся падением стены замка. Казалось, что всё испытываемое во сне – это реальность, потому что щеки горели, будто она вновь пробежала мимо горящего Риверхолла, неминуемо становясь жертвой огня, накрывающего её тело, стоило только увидеть в дверном проеме Алана.

Телефон вновь пропищал с надеждой, поймав сеть, но стоило только Лео взять его в руки, как две жалкие антенки пропали, а в верхнем уголке появилось красное оповещение «нет доступной сети». Переложив его вновь на окно, Лео усмехнулась – чем ближе к свободе, тем активнее работал телефон. На самом деле, «проклятье Риверхолла» выводила из строя не только телефоны, электричество, но и технику. В комнату отдыха для преподавателей купили новый чайник, предыдущий продержался чуть меньше пары месяцев.

И всё это не было удостоено её излишнего внимания, кроме мысли о доспехах, что стояли на балконе, прикрытые плотной пленкой от дождей, которые вернулись сразу же, стоило только загадочному призраку исчезнуть, а, вместе с тем, и в душе самой Лео поселилось саднящее чувство пустоты. Стоило бы радоваться освобождению его души от таких оков, но Уайт не могла. Точнее, во всем этом ей виделся подвох: неужели то, что она узнала его имя, и происхождение повлияло на душу Алана. Может, его метания были связаны с забитостью его имени? Ведь, если судить по директору школы, она не упоминала его имя, стереть любой намек на память об этом юноше.

Прохаживаясь мимо стеклянных стендов первого этажа, девушка неустанно вглядывалась в лица на выцветающих фотокарточках, думая, где мог бы быть он? Да и был ли он тут? Вопрос оставался открытым. Что, если истинное лицо человека, которого она ищет, гораздо ближе, чем ей кажется.

ся?

Пальцы скользили по холодному стеклу стенда, а задумчивый взгляд – раз за разом – начинал отсчет фотокарточек от первого выпуска до последнего.

– Казалось, что все ушли на ужин, – знакомый голос привлек внимание, а пальцы дрогнули, покидая стекло.

Обернувшись, Леона неловко потупила взгляд, не ожидая встречу с недавним знакомым.

– Доброго вечера, Адам, – она неловко кивнула.

– Доброго ли? Выглядишь крайне растерянной. Измотали ученики? – его губы растянулись в улыбке. Только сейчас Уайт заметила в его руке темный ящик для инструментов, захлопнутый на ярко— желтые крючки, выбивающиеся на фоне темного силуэта мужчины с медными волосами.

– Нет, работа меня не утомляет. Да и большинство учеников уехали на выходные, – ранее она не замечала за собой такой откровенной болтливости.

– А ты?

– Я? – не поняла она, сцепив руки за спиной. – А что я?

– Разве не отправляешься домой на выходные? – казалось, Адам прошупывал почву дозволенных ему вопросов в её адрес.

В пустынном коридоре слышались голоса из столовой, эхом доходя до слуха девушки, а мужчина и вовсе их игнорировал.

– Вы вновь подрабатываете электриком? – Лео проигно-

рировала его вопрос или ответила, но у себя в голове, кивая в сторону ящика с инструментами.

– Директор пожелала установить камеру в коридоре общего пользования. Разве я мог отказать?

– Могли? – его риторический вопрос породил ещё один от девушки.

– Мне не трудно, – просто заключил он, потирая пальцы левой руки, на которых остался какой-то темный след, вероятно, от его работы. – Удивительно, что я вновь встретил тебя.

– Вы редко тут бываете. Иначе встречи стали бы неизбежными.

– Прозвучало так, будто они тебе в тягость, – он чуть приподнял брови, словно готовясь не нарушать больше её уединение.

– Нет! – слишком резко возразила Лео. – Я не это имела в виду... Просто работники Риверхолла обычно проживают здесь, мы видимся достаточно часто.

– А я не работник, – и заговорщицки продолжил. – Можно сказать, волонтер.

– А ваша официальная работа?

– Уже хочешь узнать меня получше? – уголок рта приподнялся в улыбке, а взгляд Адама, по меньшей мере, можно было посчитать игривым. Он будто ребячился.

– Ищу объяснение тому, что редко вижу такого трудолюбивого волонтера, – её не хотелось показаться заинтересо-

ванной, но Адам, не хуже её воображаемого призрака, появлялся слишком неожиданно. Даже людей вокруг не было, чтобы зафиксировать тот факт, что это не очередная галлюцинация. – Получается, вы профессиональный электрик?

В схватке с его серьезностью выиграл тихий и бархатистый смех. Видимо, тон девушки показался ему забавным.

– В этом есть что-то смешное? – Лео почувствовала себя идиоткой, смутившись ещё больше.

– Прости, – он прикрывал рот, скрывая свой откровенный смех. – Прости-прости. Я не... Не хотел. Просто от тебя этот вопрос прозвучал очень забавно... Тебе никогда не говорили, что твоя наивность очаровательна?

Покраснев пуще прежнего, девушка пожала плечами, опуская взгляд. Он был откровенен в своих мыслях, а Лео не привыкла к подобному, пытаюсь сохранить строгость, свойственную преподавателю.

– Нет, я не электрик, – покачал головой Адам. – Я в этом разбираюсь, но это не является моей профессией. На самом деле, я владею магазинчиком с редкостными штуковинами со всего мира. Слышала когда-нибудь про «Магическую лавку» в Бейквелле?

– Нет, – честно призналась Лео, потупив взгляд.

– Тогда тебе непременно нужно там побывать, – с неким азартом воскликнул Адам, а потом, кажется, даже смутился от этого. – Я не настаиваю, но, если бы ты...

– Да, – слетело с губ, не дав ему закончить предложение,

от которого мужчине было неловко. – Я плохо знаю город, но была бы рада посетить твой магазин.

Эмоции на его лице оказались смешанными, гранича между тихой радостью и изумлением от внезапного согласия.

– Завтра выходной. Может, не откладывать это в долгий ящик?

– Не вижу в этом смысла, – улыбка была подтверждением. – Куда мне приехать?

– Я заберу тебя и верну, как и полагается, – ряд его зубов прошелся по нижней губе, выражая его скрытую неловкость, будто для Адама подобное в новинку. – Скажем, около полудня?

– Чудесно, я буду ждать у ворот.

Леона не узнавала саму себя, её речь срывалась с губ совершенно отстраненно, несмотря на улыбку. В глазах плескалась глубокое подступающее безумство, от которого она пыталась закрыть саму себя, ища любую возможность отвлечься, только бы не утонуть... Только бы не утонуть.

Она не помнила их прощания, словно оно вертелось спиралями тумана.

Шаг, ещё шаг... Коридор, ведущий в медицинский блок, вновь был тихим, лишь звуки сквозняков и ощущение прохлады, касающейся кожи через теплые чулки, возвращал её к реальности. Ароматы обожжённого камня и свежего паркета делали воздух спертым, тяжелым для дыхания.

Последний поворота и слуха коснулся залиvistый смех... Это была Грейс. Она действительно смеялась, а поверх слышался увлеченный мужской голос, неразборчиво продолжающий свою речь.

Шаги замедлились, а ощущение, что её не нужно здесь быть – усилилось. Подобно шпиону, Леона прижалась спиной к стене, скользнув взглядом в приоткрытую дверь. Внутри оказалось тускло, но настольная лампа всё же позволяла разглядеть два силуэта. Один принадлежал её подруге, сидящей на краю кровати, другой – мужской, с взлохмаченным ёжиком волос, после сна. Две этих тени напоминали её некий театр теней, отражающийся силуэтом.

Уайт была непростым ребенком, так говорила Шарлота. Хоть Лео и не помнила, но женщина всегда с доброй усмешкой вспоминала, с каким трудом удавалось её рассмешить. Игрушки не радовали, а от шумных игр она закрывала уши, прячась за креслом в гостиной. Когда легкий ветерок поднимал занавеску, она падала на спинку сидения, создавая полупрозрачный домик, успокаивая ребенка. Вскоре приемные родители поняли это и собственноручно создавали этот шалаш для девочки. Когда включался торшер, то из своего маленького домика она видела различные мелькающие силуэты, они привлекали её внимания. Со временем Шарлотта сделала из этого игру, включая кассету со сказками в небольшом магнитофоне, она вырезала из плотных обложек журналов фигурки, приклеивала их на коктейльные трубочки и со-

здавала для ребенка настоящий мир, где тени вокруг разыгрывали различные истории, появляясь со всех сторон от маленькой Лео.

Но эти тени в больничном блоке отличались от тех, что она видела в детстве. Они были другими, говорили разными голосами, а легкое придыхание облачало речи в пурпурный бархат, наполняя пространство плотностью, глубиной. Помимо запаха лекарственных препаратов, тянулся шлейф духов, травяного чая и ещё чего-то. То не было запахом еды или косметики, он походил на что-то необъяснимое, не имеющего источник, но наполняющего пространство дурманом, от которого путались мысли. Леола всегда знала, что у эмоций есть свой «запах», ощущения, которое можно уловить. У страха – глубокий, пронизывающий, у радости – мягкий, выстреливающий прямо в грудь, у злости – накрывающий с головой и обжигающий как тайский перец... На что же походил «запах» теневой встречи медсестры и пациента? Влечение, азарт, волнение...

Рука сама потянулась к двери, стукнув по ней три раза и прервав смех Грейс. Выскочив из-за тканевого ограждения, Роббинсон поспешила к двери, но та сама распахнулась перед её носом.

– Не разбудила?

– Лео? – Грейс казалась растерянной, взволнованной, постоянно поправляя свои распущенные волосы. – Я думала, ты на ужине.

– Я была, но не нашла тебя, поэтому... – в надежде, что ложь не написана на её лице, Уайт продолжила, – Хотела раскрасить твой вечер. И попросить совет.

Заметно удивившись, Грейс отступила в сторону, пропуская Лео вперед. Тот светильник, что горел пару мгновений назад, был погашен, от чего создавалось ощущение пустынности в помещении. Идя по памяти, они скрылись за дверью, ведущей в покои медсестры. Её комната отличалась от той, в которой жила Уайт.

Стены со светлыми обоями, по которым тянулись ровные изображения стебельков с нераскрытыми бутонами. Новая просторная кровать, люстра с множеством маленьких плафонов, светлая мебель и чудесная зона отдыха из множества подушек на круглом ковре, среди которых стоял небольшой столик. Сквозь занавески падал едва заметный лунный свет, гладивший древесное покрытие.

Пока Уайт неловко усаживалась, Грейс уже включала электрический чайник, опуская в пустые кружки чайные пакетики.

– Так в чем же тебе нужен совет, милая Лео? – улыбалась девушка, бросая кубики сахара на дно чашек. – Раньше тебе они не требовались. Значит, что-то серьезное.

Электрический чайник с небольшим количеством воды забурился, а потом щелкнул, выключаясь. Наполнив чашки, Роббинс опустила их на небольшую столешницу, садясь напротив и чуть растягивая свой белый халат.

– Я вся во внимании, – напомнила Грейс, вырывая подружку из плена её мыслей.

– Я познакомилась с мужчиной.

К счастью, отпить чай Грейс не успела, иначе непременно подавилась бы. Эти слова казались абсолютно чужими, срываясь с губ Леоны, нервно сжимающей пальцами собственную юбку.

– Начало многообещающее, – заинтригованная Роббинс отставила чашку. – И ты хочешь спросить у меня, что с ним делать?

– Нет, вовсе нет, я прекрасно знаю, что делать с мужчиной, – и осеклась, поймав взглядом вздёрнутую бровь медсестры. – Я о том, что он позвал меня посетить его магазинчик. Завтра.

– Что ж, это хорошо, только я не пойму, какой тебе нужен совет?

– Я его едва ли знаю и думаю, не поспешно ли согласилась на это?

– Моя дорогая Лео, – застонала Грейс, запрокидывая голову. – Ты в каком веке застряла? По твоему, он должен был слать тебе почтовых голубей? Или облачиться в доспехи и петь серенады?

Доспехи...

Грудь сжалась невидимыми тисками, в воздухе появился запах ржавеющего железа и машинного масла. Её разум точно пошатнулся. Пришлось сделать вдох, дабы немного успо-

коиться и не вызвать лишних вопросов со стороны подруги.

– Я всего лишь хотела узнать, что лучше надеть? Мой гардероб скуден на разнообразие. Может, ты смогла бы помочь мне что-то подобрать? – вопросы слетали быстро, необдуманно.

Задумчиво окинув взглядом Леону, девушка покачала головой, чуть цокая языком.

– Не хочу тебя обидеть, но, может, возьмешь что-то из моего гардероба? Завтра обещают солнечную погоду.

Грейс оживилась, поспешив к шкафу под пристальным взглядом девушки. Леона всем нутром чувствовала, как та пыталась скрыть свои посиделки с пациентом. Но обвинить её она бы не посмела, ведь и сама несла на своём сердце тайну, рассказав которую, точно попала бы в психиатрическую больницу, потеряв всё, что имеет.

Сойдясь на черном платье с расклешённой юбкой до колен, Леона с благодарностью приняла одежду, сложив на своих коленях и возвращаясь к остывающему чаю, который больше не обжигал губы и язык.

Медсестра продолжала суетливо говорить о погоде, приближающихся холодах и том, что нужно наслаждаться отсутствием дождя, а Лео не оставляло ощущение того, что подруга пытается скрыть от неё лишние вопросы, нарочито много говоря о чём-то отстраненном.

– Когда ты успела с ним познакомиться? Ты же не покидаешь Риверхолл.

Вопрос был очевиден, она ждала его.

– Это было случайностью. Он местный электрик... Точнее, не электрик, но занимается этим в свободное время.

– Здесь? – не совсем понимала Грейс.

– Да, недалеко от здания с инвентарем, – пальцы огладили края кружки двумя кругами против часовой стрелки. – Он тоже не ожидал, что я могу быть там, – по часовой. – Пара фраз и шуток.

– Шуток, – усмехнулась Роббинс, чуть качая головой. – Шуток?

– Грейс...

– Нет, я действительно рада. Очень рада. Надеюсь, он достойный человек, – рука медсестры накрыла напряженные пальцы подруги. – Сколько ему лет?

– Понятия не имею, – тихо рассмеялась Леона, – Явно старше, но трудно сказать. Ведет себя подобно мальчишке.

– Все мужчины – дети, – отмахнулась Грейс, считая это чем-то незначительным.

– Его зовут Адам. Судя по всему, он действительно добрый человек, который согласен приезжать сюда каждый раз, как дело касается электричества.

– Интересная характеристика, – Грейс засмеялась, слова подруги звучали спешно, поверхностно, но во взгляде читался интерес, свойственный настоящей молодой женщине, которой кто-то понравился.

Поболтав ещё недолго, девушки распрощались. Роббинс

сама закрыла за ней дверь в больничный блок на засов. Скрывая этим не только стерильное помещение, но и тайны, в который не собирается посвящать Леону.

У каждого есть тайны – это нормально, у кого-то они темнее и спрятаны на засов не только двери, но и души. Стены в коридоре вновь хранили в себе бесконечные сквозняки, проникающие даже через новый пол и выкрашенные стены.

Обугленный камень за слоем гипсокартона тоже что-то хранил, скрывал. Сколько дверей оказалось заколочено? Сколько проходов старого поместья ещё осталось? Где может быть скрыта тайна Алана Лемана, что о ней знают единицы? Вдруг его кости до сих пор покоятся где-то в глубинах этого места?

Единственное, на что она надеялась, что теперь душа призрака свободна, и он больше не станет узником Риверхолла. Никому бы не хотелось застрять в этих стенах навсегда и не иметь возможности увидеть мир. Леона знала, что когда-то и она покинет его, как только наберется опыта и у неё появятся силы и средства двигаться дальше. Может, она бы смогла переехать на другой конец страны, начать всё сначала и забыть то, как Шарлотта высыпала дробленые таблетки в её утреннюю кашу, добавляя большое количество кленового сиропа, чтобы скрыть кисло-горький вкус.

«Она будет нормальной, – твердила Шарлотта, – Это пройдет...»

Она стала нормальной. Стала послушной. Стала той, ка-

кой её принимало общество.

Комната встретила холодной постелью и запахом машинного масла, въевшегося в мебель. Отыскав маленький сверток из фольги в тумбочке, девушка отправила кусочек марципана в рот, медленно смакуя его на языке и засыпая с приятным привкусом любимой сладости.

Взгляд устремленный в узорчатый потолок становился холодным, а улыбка какой-то нездоровой, но губы тихо шептали только одно:

– Спи спокойно, Алан. Спи спокойно.

Глава 5

Синоптики не ошиблись. Чудо или нет, но погода была по-осеннему теплой. Маленькие пылинки кружились в солнечных лучах, оседая на мебели и полу. В камине дотлевали угольки, постепенно угасая. Выходной день располагал для хорошего настроения, но Леона, несмотря на улыбку, казалась сосредоточенной, постоянно оглаживая ткань черного платья в районе талии, где оно прилегало сильнее. В плечах же казалось немного велико, но это не казалось слишком заметным.

Теплые колготки и сапоги со стёртыми набойками – отголосок её прошлого. Новую обувь она ещё не купила, решив, что этот сезон доходит в старой. К тому же её зарплата не располагала к большим тратам, она только начинает работать и просить большего не смеет. Коротая время до встречи, Уайт разложила ноты по папкам для каждого класса, прибрались на столе, и вышла на балкон, чуть жмурясь от солнца. Доспехи так и стояли укрытые пленкой, и стоило бы попросить кого-то вынести их, но она тянула время.

Здесь, вдали от главной магистрали, слышался звук реки Ривер, а воздух был полон ароматов влажной листвы, свежести и засыпающей природы. Заморозки не за горами, но ещё осталось время, чтобы насладиться лучами солнца. Темне-ло теперь раньше, поэтому солнце уже покинуло свою цен-

тральную точку, продолжая движение в сторону заката.

Пара мгновений наедине с собой и вот уже она покидает спальню, направляясь к лестнице. В выходные коридоры пустыньны, часть учеников вернутся только к вечеру, преподаватели отправились в город и лишь пара служанок болтает на лестничном пролете, протирая подоконники.

Покинув школу, Леона запахнула на себе пальто, миная центральный вход и замечая за воротами знакомую тёмно-синюю машину. Водительская дверь была открыта, а около неё стоял Адам, спокойно беседуя с мистером Смитом, потирающим свои седые усы. Их разговор напоминал беседу двух старых приятелей, старик смеялся, а из его приоткрытой двери охранного поста слышались звуки хриплого радио.

Завидев девушку, старик поспешил открыть ворота и выпустить её навстречу знакомому, на губах которого растянулась приветливая улыбка.

Молчание со стороны Адама неприлично затянулось, хоть он откровенно прошелся взглядом от ботинок до распущенных волос, аккуратно уложенных волнами. В последние встречи он видел её с косой или пучком, даже не представляя то, насколько красит девушку распущенные локоны, спадающие по спине и плечам, обрамляя аккуратный овал лица. Даже мистер Смит украдкой выглянул из-за двери, провожая её взглядом, словно не узнавал привычную ему Леону Уайт, укрывающуюся теплым платком от пробирающего до костей ветра. Старик даже усомнился во времени года, ведь

блеск в глазах девушки казался совершенно весенним, как и легкая походка.

– Доброго дня, – голос полный спокойствия скрывал невысказанный комплимент, боясь сделать его неуместным или неподобающим для новой знакомой. Вероятно, у него было не так уж и много опыта, раз Адам замялся, спешно обходя машину и открывая пассажирскую дверь.

– Доброго дня, Адам, – на выдохе произнесла девушку, внутренне улыбаясь. Пряча неловкость, она учтиво кивнула сторожу в знак приветствия и проскочила внутрь машины. Внутри запах бензина смешивался с ароматизатором для машины, делая воздух плотным, несмотря на приоткрытую водительскую дверь.

Салон казался ухоженным, словно перед встречей его привели в порядок. Это Лео поняла по чистым коврам, на которых не было следов от обуви и матовому отблеску от натертых панелей. Сев в машину, Адам расстегнул пуговицы на своём пальто, чуть распахивая его для удобства и завел машину, улыбаясь, будто самому себе, заглядывая в боковое зеркало, чтобы развернуться.

– Тебе не холодно? – руль выкрученный до предела позволил тойоте сделать оборот на тропе, прибавляя газ для движения.

– Нет, погода радует, – вот и пошел следующий этап неловкости – разговоры о погоде.

– Погода сегодня чудесная. Никогда ещё не было такой

теплой осени, – он шумно сглотнул, неторопливо следуя по прокатанной колесами дороге. – Надеюсь, своим приглашением, я не нарушил твои планы?

– В таком случае, я бы отказала сразу, – и обернулась к нему, уловив его короткий взгляд чуть прищуренных голубых глаз.

– Ты – прямолинейна, – по-доброму усмехнулся он. – Ну, раз у мисс Уайт нет никаких дел, то я с удовольствием проведу с ней выходной день в надежде, что смогу стать ей приятной компанией.

Несмотря на шутливость тона, Лео не могла припомнить – называла ли она ему свою фамилию. Вероятно, это произошло ещё в их первую встречу, но удивительным оставалось то, что его фамилию она так и не знала.

Развернувшись на перекрестке Бакстон-роуд, они поехали напрямую в Бейквелл, минуя пригородные остановки. Пробок не было, несмотря на то, что выдался солнечный выходной, люди не спешили покидать свои дома. Туристов тоже не было – не сезон. Леса постепенно сменились улицами, двухэтажными строениями с различными вывесками магазинов и кафе. Адам сбавил скорость, неторопливо сворачивая с одной улицы на другую. Только позже Лео поняла, что он ищет парковочное место.

Поблизости она не видела лавки секретов, но не проживала, скорее всего, они пойдут до неё пешком. Подав свою теплую руку, мужчина помог девушке выбраться из машины.

Каменная кладка тропинок была неровной, сохранившейся частью старого города.

Молча и нетрепливо они пошли вдоль улицы, возвращаясь обратно по той дороге, которую проехали пару минут назад. Бросая короткие взгляды на своего спутника, она замечала, как глубоко он вдыхает воздух, а его бледные щеки розовеют, но виной тому не солнце. Будучи истинным джентльменом, он сперва отвел её в небольшой кафетерий. Каменная стена была почти полностью скрыта за пожелтевшей листвой вьющегося растения, придающего некую уединенность этому месту. Никакой роскоши, достаточно скромное заведение с маленькими столиками. Пара девушек около стены, скрыта за книжной полкой, юноша с ноутбуком и молодая мама с коляской, которая наслаждалась чаем в тишине, пока её ребенок спал. Тут было действительно тихо, посетители говорили негромко, а единственный работник помещения поспешно принял заказ на две кружки кофе с молоком, позволяя гостям расположиться около небольшого окошка.

– Никогда здесь не была, – оставив пальто на вешалке, Леона присела за столик, дожидаясь своего спутника.

– Неужели? Разве ты не из Бейквелла? – Адам был удивлен, опускаясь на стуле напротив и расстегивая верхнюю пуговицу темно-синей рубашки. Он явно не привык к официальному стилю одежды.

– Нет, я жила в Бакстоне, – спокойно отозвалась Леона, поглаживая пальцами столешницу. – Училась там какое-то

время, а потом Шарлотта перевела меня в Риверхолл.

– Шарлотта?

Девушку внезапно осенило то, что он совершенно её не знает и эти имена ему ни о чем не говорят. Уайт не планировала с ним откровенничать, но слова сами слетали с губ от волнения.

– Моя приемная мать. Она из Бакстона.

– И почему же она отправила тебя в Риверхолл?

– Я сама её попросила. Конфликты с одноклассниками были, и Риверхолл – единственная школа, которая могла принять меня в середине года.

– В этом весь Риверхолл, так всё не так, как в нормальных учебных заведениях, – на этих словах хозяин заведения опустил перед ними две кружки.

– Много знаешь о школе? – догадалась Леона.

– Достаточно. Я учился там.

– И стал добровольцем по работе с электричеством?

– Стоит заметить, что весьма успешно. Пожаров, по причине неисправности электроэнергии, больше не было, – он не хвастался, но говорил очевидные вещи.

– Значит, какие-то теплые чувства к школе у тебя остались, – отпив немного горячего напитка, она улыбнулась. – Приятные воспоминания о школьных годах?

Послышался тихий смех, Адам обхватил пальцами кружку.

– Это было почти двадцать лет назад, уж и не вспомнить

всего.

Удивление в глазах девушки было заметным. Гадая о его возрасте, она и предположить не могла, что Адам закончил обучение в Риверхолле, когда она появилась на свет. Правда, разница между ними не чувствовалась, оба пытались побороть непрощенную неловкость и вспыхнувший интерес к жизни каждого из них.

Нога Уайт немного дергалась, но это оставалось незаметным для спутника.

– Тем не менее, что-то хорошее в те годы было. Традиционные праздники, к примеру, футбольная команда и друзья, как и у любого подростка. Я был там даже на каникулах.

– А родители?

– Затянувшийся бракоразводный процесс и тяжелый разрыв. Знаешь, как это бывает, – он вновь усмехнулся. – Каждый винит другого, перетягивает на себя одеяло. Не хотелось в этом учувствовать. И... – он осекся, – Извини за вопрос, но твои родные родители где? Отказались от тебя?

– На этот вопрос никто не знает ответа. Несмотря на то, что было открытое усыновление, сведений о родителях нет. Меня нашли на въезде в город около круглосуточной заправки.

Глаза Адама расширились, ему удивляло то, с каким спокойствием она рассказывает о подобном. Вероятнее всего, ей много раз приходилось озвучивать эту историю, раз она не испытывала эмоции, говоря о таких страшных вещах. Её

просто оставили, бросили на заправке, как какого-то щенка.

– Прости.

– Тебе не за что извиняться. Это меня давно не беспокоит...

– Сомневаюсь, – он повел плечами. – У каждого есть шрамы, просто с годами они зарастают, только и всего.

– Я не жалею, – улыбнулась Лео, облизнув губы. – Шарлотта дала мне лучшую жизнь, заботу и любовь.

– Мне уже нравится эта женщина. С её стороны – это благородно. Редко встретишь человека, согласного на открытое усыновление ребенка.

– Это лишь формальность, мои родители не объявились. Скорее всего, их уже нет в живых.

В этом она была уверена. Все детские сказки о том, что она их видит, что они приходят к ней и общаются – не казались теперь ей чем-то нереальным. Психиатры говорили, что это разыгравшееся воображение, которое помогает пережить травмирующее знание. Шарлотта верила специалистам, как и Лео когда-то, но теперь, встретив того, кто застрял между мирами, её вера в собственное безумие рассеивалась.

– Не переживай. Я понимаю, что ты интересуешься, да и мне не хочется врать об этом, – она успокаивающе положила свою руку на его предплечье, чуть улыбаясь, видя его волнение. – Итак, электрик-бизнесмен. Чем же так прекрасна твоя лавка секретов?

Её тон был полон интереса и озорства, от чего Адам оживился.

– Тем, что там можно найти диковины со всего света!

– Антиквариат?

– Для кого антиквариат, для кого настоящие волшебные штучки, – интригующе начал он. – Интерес бывает разный у людей. Кто-то заинтересуется предметом в целях украшения дома, а кто-то увидит идола поклонения индейских племен.

Его слова становились оживленнее, представляя свой магазин настоящей лавкой чудес, которую можно встретить только в сказочных книжках. Трудно было сказать, верит ли он в это сам, но, судя по всему, это приносит ему неплохой доход, а уж его слова звучали как настоящая реклама. Редкие амулеты, статуи, камни и книги – для кого-то хлам, а для знающего человека – настоящее сокровище. Адам был знатоком древних легенд и мифов, словно изучал их всю свою жизнь. Рассказывая о своей лавке, он упоминал поездки в различные уголки мира, с появлением интернета и сайтов, где можно найти что-то и купить – стало проще. Люди избавлялись от ненужного барахла, а он находил в них редкие артефакты, скупая за копейки и продавая по цене, превышающей первичную в пять, а то и десять раз. Его мозг мыслил цифрами, логикой ведения бизнеса, от чего Леона была далека, но рассказы о происхождении многих диковин заставляли содрогнуться. Тайные архивы, считающиеся заклинаниями для колдунов и ведьм, которые могут их прочитать,

камни, открывающие невиданные таланты у человека и призывающие то, о чем они могут только мечтать, изысканные картины и скульптуры, которые впишутся в любой интерьер – всё то, что невозможно найти в обычных бытовых магазинах, удачно хранились в его Лавке Секретов.

Когда чашки с кофе опустели, Леона уже не могла усидеть на месте, желая поскорее увидеть то, о чём так ярко рассказывает мужчина.

– А ещё у меня в лавке есть чудодейственная статуя. Одна из тех, которые делает моя знакомая из Индии, руководствуясь древней техникой. Слепленная из красной глины дева с младенцем способна помочь женщине забеременеть. Раз в полгода я покупаю у неё несколько штук, но их раскупают практически сразу. Видимо, действительно работает, – продолжал рассказывать Адам, пока они шли вдоль главной улицы.

– Либо самовнушение. Ведь когда ты чего-то очень сильно хочешь, то готов поверить во всё, что может помочь в исполнении мечты, – она была весьма прагматична, но это только забавляло Адама.

– И ты можешь быть права, но мне всё же льстит мысль, что много лет назад я познакомился с Ситарой. Общение с ней – верх удовольствия, – и вскинул руки, вновь просяив.

Время близилось к вечеру, а улицы становились оживленнее. Люди направлялись на прогулки, неторопливо прогуливаясь по улочкам. Из магазинов и небольших рестораников

тянулись ароматы жареного мяса и выпечки, а вывески загорались яркими лампочками.

Адам рассказывал о своем последнем путешествии в Индию, говорил об отличиях менталитета и том, какие бывают конфликты на почве религии. Но так было и в прошлом, это те противоречия, которые не скоро разрешатся. И разрешатся ли вообще?

Его речь была пропитана приятными воспоминаниями о странствиях по всем уголкам необъятного мира, но сейчас, судя по всему, он покидал страну значительно реже, не вдаваясь в подробности о причинах.

За разговором они незаметно добрались до самой Лавки Секретов, к которой они говорили целый день. С виду магазинчик был совершенно непримечательным, его вывеска казалась незаметной, а стоящие по бокам бочки с клумбами совершенно не создавали антураж чего-то необычного.

На вывеске виднелись белые буквы «закрито», но у хозяина был свой ключ, который он поспешно провернул в замке, распахивая дверь перед гостьей.

– Ты сам работаешь здесь? – догадалась Уайт, неторопливо ступая в темное пространство.

– Иногда – да, – признался Адам, щелкнув выключатель и освещая магазинчик. – Иногда Николь, старая знакомая.

Внутри едва ли можно было что-то разглядеть, но по углам мерцали приглушённые огоньки – старинные лампы с тусклым светом. В воздухе витал запах древних книг и

немного затхлый, но не неприятный аромат старинного дерева. Обычно такой запах можно было уловить в библиотечных хранилищах, куда списывают старые книги.

Адам стоял у двери, прикрывая её и улыбаясь, и Леона почувствовала, как её сердце замедлило ритм. Он был такой уверенный, лёгкий и вместе с тем скрытный. Его голубые глаза, казалось, читали её мысли (упаси Боже, ведь они были полны беспокойства), и от этого становилось немного не по себе. Но не в плохом смысле – скорее, как будто он был ключом к чему-то глубокому и неведомому. Он зацепился за её мысли невидимым крючком ещё при их первой встрече, и теперь хотелось узнать, что может скрывать загадочный волонтер-электрик.

– Добро пожаловать в мой мир, – произнес он мягко, отступая в сторону, чтобы она могла войти.

Леона сделала ещё один шаг, оглядываясь. Магазин был гораздо больше, чем казался снаружи. Полки, полные артефактов и старинных предметов, казались будто застывшими во времени. Кажется, каждый угол был пропитан историей – странными вещами, которые могли быть как напоминанием о прошлом, так и частью чего-то более таинственного.

– Здесь так тихо, – сказала она, вдохнув воздух, – как будто время не движется.

Адам кивнул, следуя за ней и стараясь выбраться из тени. Он подошёл к одной из витрин и показал на старинные медальоны, расставленные аккуратно.

– Всё, что здесь, имеет своё значение, – сказал он. – Некоторые вещи просто украшают пространство, другие – несут в себе гораздо больше. Эти медальоны, например, использовались для защиты от злых духов. В них зашивались маленькие записки, защищающие носителя от сглаза. Очень часто такие вещи ставили в старых домах, чтобы люди не чувствовали себя одинокими.

Леона внимательно изучала медальоны, которые могла увидеть на той полке, что была на уровне её глаз. Она чувствовала, как её пальцы едва касаются холодной поверхности стеклянной витрины, и как её воображение начинает рисовать картины людей, которые жили здесь сотни лет назад, но оставили свой след. Увидев подобное – трудно остановить свою фантазию, а тихий голос хозяина этого помещения лишь добавлял мистицизма происходящему.

– И ты веришь в это? – спросила она, чуть прищурившись, словно стараясь понять, шутит ли он или говорит всерьёз. Говорила тихо, словно могла потревожить покой этого места.

Адам улыбнулся, и его взгляд стал серьёзным.

– Я не верю в магию, если под этим ты имеешь в виду *волшебство*. Но я верю в силу историй. Вещи, как эти, могут влиять на людей, даже если они не понимают, почему.

Леона кивнула, стараясь осмыслить его слова. Она чувствовала, как его уверенность завораживает. С ним было легко и спокойно, но было что-то в его словах и взгляде, что заставляло её задумываться о гораздо более глубоких вещах,

чем она привыкла. Казалось, что Адам знал больше, чем доступно обычному человеку, от того и тесно связывал свою жизнь с такими вещами, осматривая их с заботой и лаской.

Адам повёл её к следующей полке, где стояли старинные книги в кожаных переплётах. Некоторые из них были открыты, показывая страницы, исписанные древними символами, и запах бумаги был таким, как будто она могла ощутить их вековую историю.

– Это коллекция из разных эпох, – объяснял он, показывая на одну из книг, лежащих перед ними. – Они рассказывают о ритуалах, давно забытых или запрещенных старыми законами. Но всегда интересно посмотреть, что люди считали важным в те времена.

Леона протянула руку, но вдруг замерла, посмотрев на Адама. Он беззвучно кивнул, одобряя её действие, и девушка аккуратно взяла книгу, открыв её на первой странице. Там были какие-то странные знаки и изображения, похожие на алхимические символы.

– Это выглядит как магия, – сказала она, уже не пытаясь скрыть свой интерес. – Но ты уверен, что эти вещи не опасны? Ты не боишься того, что они могут тебе что-то сделать?

Адам задумался, словно примеряя её слова на себе, прежде чем ответить.

– Быть осторожным – это важно, Леона. Но я не боюсь, – и с улыбкой добавил. – Я изучаю. Исследую их, чтобы понять,

что они на самом деле означают, а не просто верить в мифы и легенды. Продаю тем, кто так же, как и я заинтересован в подобном. Всё зависит от того, как ты используешь эти вещи.

Леона не знала, как ответить, так как её собственные мысли были переполнены. Она была очарована не только артефактами, но и самим Адамом. Его слова, его манера общения, его взгляд – всё это создавалось в её голове как нечто большее, чем просто интерес. Ранее Лео не встречала таких людей, вызывающих в одно мгновение спокойствие, а в другое – волнение и интерес. Адам, который казался ей простым мужчиной, открывался с какой-то новой грани. Более загадочной, местами, даже тёмной.

Словно в этом странном магазинчике между ними двумя появлялась невидимая связь, которую она не могла объяснить, но ощущала в каждой клеточке своего тела.

– Ты никогда не задумывался, что, может, такие вещи не стоит изучать? – спросила она с лёгкой улыбкой. – Ведь для того, чтобы понять всё это, нужно заглянуть в самые тёмные уголки истории. Не страшно?

Едва ли не сказала, что в темные уголки своей сущности, но вовремя поджала губы, словно прощупывая почву в общении с Адамом. Будто в подтверждение её слов, хозяин магазина медленно подошёл ближе, его лицо стало более серьёзным, когда он смотрел на неё.

– И иногда, чтобы понять свет, нужно пройти через тьму, – сказал он тихо, как будто раскрывая свою душу пе-

ред ней, хоть это и было не так. – Люди, как и вещи, таят в себе много тайн. И эти тайны порой опасны. Но если ты не пытаешься их разгадать, ты остаёшься в неведении. А это самое страшное.

Внезапно Адам шагнул ещё ближе и, казалось бы, случайно коснулся её руки. Его прикосновение было мягким, но в нём чувствовалась лёгкая дрожь, как если бы он сам не совсем осознавал, что делает. Леона вздрогнула, но не отстранилась. Вместо этого мужчина помог снять ей пальто, отправляя на вешалку рядом со своим. На этот молчаливый, но точный жест, она ответила легкой искоркой в глазах.

Адам внезапно взял её руку и немного сжал её пальцы, поверх пожелтевших страниц. Он не сказал ничего, но в его взгляде было что-то, что заставило её почувствовать себя важной. Словно случившийся диалог был первым в его жизни с той, в ком он увидел собеседника, способного разделить его мысли. Было ли это жестом благодарности? Вероятнее всего.

– На этом экскурсия не закончена, Леона, – его губы вновь тронула улыбка, когда он потянул девушку за собой дальше, в едва освещенный полумрак тайн и загадок.

Следуя за ним послушно и прижимая к себе старую книгу, девушка с интересом обводила взглядом пространство. Магазин Адама был маленьким, но необыкновенно атмосферным, словно спрятанным в переулке времени. Он был заполнен тяжелой, темной мебелью, которую Адам, вероят-

но, сам выбирал на своих многочисленных странствиях. Полы покрывал старинный паркет, который в некоторых местах был покорёженным от времени, но это только придавало интерьеру особую аутентичность. Стены были обиты темными деревом, а потолок украшен старинными бронзовыми светильниками, тускло освещавшими пространство. Никаких ярких ламп или современных удобств – только старые и изысканные источники света, дающие мягкий свет, который казался будто обвивает каждого, кто входил в это место, мягким облаком. Всё вокруг пропитано запахом старинной кожи, древесины и немного влажного воздуха, делающего дыхание тяжелым.

На одной из полок стояли старинные китайские фарфоровые вазы с изображением драконов, древние амулеты, изготовленные из нефритовых камней, их плавные линии и сложные символы говорили о глубоких духовных практиках. Рядом с ними находились египетские фигурки богов, чьи глаза были сделаны из полированного стекла, которое слегка поблескивало в тусклом свете.

В другой части магазина, на больших деревянных полках, стояли тяжёлые книги в кожаных переплётах с золотыми буквами. Эти книги были старинными манускриптами, в которых в основном содержались записи, касающиеся магии, алхимии и астрологии.

В задней части помещения, куда редко заходили обычные зеваки, рядом с потускневшим зеркалом, стояла витрина с

более экзотическими и странными артефактами – туземные маски из Африки, сделанные из дерева и слоновой кости, а также странные амулеты, привезённые хозяином из Перу. К каждой вещи была привязана своя история. Адам рассказывал, как он приобрёл эти вещи, путешествуя по миру: от древнего египетского базара до заснеженных улиц Гималаев. Но у каждой вещи был и свой скрытый смысл.

Вдоль стен стояли изысканные стулья и кресла, чуть прикрытые полупрозрачной тканью, изготовленные в разных странах. Каждое кресло было как произведение искусства – от резных и покрытых золочением стульев периода Ренессанса до простых, но уютных кресел из скандинавского дерева с изысканными тканями, которые Адам купил в Дании.

На одной из полок в глубине магазина стояли несколько толстых томов, с обложками, поблёскивающими от старой позолоты. Это были книги, которые Адам ценил особенно – их страницы были поистине уникальны.

«Обряды жизни и смерти» – эта книга привлекала внимание Леоны с первого взгляда. Тёмно-синяя обложка была украшена тремя таинственными знаками, а на страницах содержались подробные описания ритуалов, которые ей было трудно понять, увидев впервые.

– Нравится? – Адам желал услышать положительный ответ, но получил только кивок, наслаждаясь её замороженным взглядом. – Раньше верили, что эти тексты способны призвать духов или позволить воскресить мёртвых. Некоторые

из обрядов включали сложные магические формулы, которые, как утверждается в книге, могли вернуть к жизни души, потерянные в огне, или поднять тела, которые слишком долго лежали в земле. Этот текст полон древних заклинаний и инструкций, которые следовало исполнять с максимальной осторожностью.

– Ты читал их? Пробовал? – она сглотнул слишком шумно, не спеша поднять взгляд.

– Я же говорил, что просто изучаю. Это занимает почти двадцать лет моей жизни... – напомнил он, а глубокий голос проник в каждую клеточку тела девушки, вызвав дрожь. Вероятнее всего, Алану почти сорок лет, хоть по его внешности и не скажешь подобного, не дашь больше тридцати, если уж на то пошло.

За небольшой шторкой расположились ещё нераскованные коробки и тугие тканевые свертки – товар, который только ждал своего часа, чтобы появиться на полках. Мужчина говорил о том, что выставляя что-то на витрину, он должен досконально изучить это, дабы иметь возможность представить в лучшем свете для потенциального покупателя, но Леона предполагала, что его заботит не только заработок. Относясь к этим вещам трепетно, Адам изучал все подводные свойства этих вещей, избегая попадания не в те руки.

Удивительно, но их увлекательная экскурсия закончилась у двери из одной из подсобок...

– А что там? – и кивнула в сторону неизведанности, чем

вызвала смешок у Адама.

– Там нет опасных манускриптов или тайных знаний. Небольшая комнатка отдыха, где можно спокойно попить чай. Иногда я там сплю, если засиделся допоздна, – неловко потер затылок хозяин, словно смущаясь своей маленькой слабости.

– Не буду тревожить твои покои, – отшутилась Лео и быстро убрала руку с дверной ручки, вновь возвращаясь в центральную часть зала, осматривая различные кулоны и браслеты из камней.

Его шаги были тихие, но девушка ощущала спиной его взгляд на себя, чуть сжимаясь, хоть и не опуская головы.

– Можешь взять то, что тебе понравилось, – тихо предложил он где-то над её макушкой, а рука потянулась через плечо девушки, чуть цепляя пальцами несколько кулонов, звенящих от прикосновений. – Бесплатно, разумеется.

– Я... – воздух застрял где-то в районе её горла. – Спасибо, но я не рискну брать те вещи, которые не понимаю. Судя по твоим рассказам, они могут, как помочь, так и навредить.

– Скорее наоборот, – сказал он, подняв взгляд на девушку, а потом сжал её похолодевшую руку, медленно надевая браслет на тугую веревочке. – Это селенитовые камни. Они обладают благоприятным воздействием на своего носителя. Говорят, это камень луны, защиты и развития. Какой-то особой магией не обладает, но... Он так давно пылится на моих полках, что ему давно пора обрести своего нового хозяина.

– Нового? – с осторожностью спросила она, погладив пальцами браслет. – А был старый?

– У каждой забытой вещицы есть прежний хозяин. Вероятно, не один, но он, по своему мне дорог, поэтому хотел бы отдать тебе, – в искренности этого загадочного мужчины не приходилось сомневаться.

Она провела пальцами по гладким, словно капли застывшего молока, камням браслета, ощущая их приятную прохладу. Браслет немного велик для её кисти, но не спадал, удерживаясь на костяшках кисти руки.

Его голубые глаза задержались на её лице чуть дольше, чем положено. Или, может, ей просто показалось?

– Тебе пора, – хрипло сказал Адам, словно нехотя. Его слова пропитаны осознанием правильности, нежели истинного желания.

Она кивнула, всё ещё чувствуя на запястье тепло его покинувших пальцев.

Школа Риверхолла уже давно окутана тишиной. После отбоя входа нет даже для преподавателей. Сторож тихо спал в своей каморке под светом небольшой лампы, а его радио продолжает шуметь, потеряв нужную волну. Тем не менее, Алан не терялся, понимает, что Леона может быть отчитана директором за позднее возвращение, от того и останавливает машину поодаль, быстро гася фары. Он повел её через деревья, буквально обходя территорию Риверхолла, погружившегося в сон.

– Никогда бы не подумала, что ты помогаешь нарушать правила, – шепчет она, когда Адам останавливается около ограждения и легко перебрасывает плащ через высокую каменную ограду, ловко подпрыгивая и подтягиваясь на руках.

Он сел прямо на каменный забор.

– Я и не помогаю, – усмехается он, протягивая ей руку, чтобы помочь забраться. – Просто не хочу, чтобы тебя поймали.

Она поставила ногу на невысокий выступ, цепляясь за край стены и, прежде чем потерять равновесие, ощутила, как сильные руки помогают ей перебраться на другую сторону, буквально перекидывая и не отпуская её прохладных ладоней, пока расстояние до земли не станет минимальным.

Её пальцы всё ещё были сжаты на его руке, когда их взгляды снова встречаются в темноте.

– Отпускаю, – предупреждает он, чувствуя, как её пальцы соскальзывают. Лео ловко приземляется на жухлую листову ногами, лоя равновесие и смотря на своего помощника сверху вниз, пока тот всё так же восседает на заборе. – Войди через дверь кухни, она всегда открыта. Пройдешь коридор, а там будет лестница, выйдешь на первый этаж, а так уж ты точно ориентируешься.

Лео легко улыбнулась.

– Спасибо, Алан, – искренне благодарит девушка, чувствуя, как ветер нещадно трепет края её пальто.

– Иди, – мягко говорит он, перекидывая ногу и готовясь

спрыгнуть, но голос девушки его останавливает.

– Алан, – тихо зовет она, прижимая руки к забору.

Мужчина с интересом чуть опускает голову, задорно улыбаясь.

– Странно, спрашивать это в конце нашей первой прогулки... – нерешительно начинает она, но медлит.

– Надеюсь, что не последней, – с надеждой вторит он. – Спрашивай, не бойся.

Девушка помедлила.

– Мы так много говорили, но я даже... – и сглатывает, смущенно улыбаясь, – Не знаю твоей фамилии.

Взгляд Алана немного тускнеет, но улыбка не пропадает с его лица, лишь небольшая морщинка появляется на лбу.

– Уже себе примерять будешь? – с озорством шутит он, вынуждая девушку покраснеть. – Шучу, Лео, шучу.

Пальцы мужчины крепче сжимают забор.

– Леман, – тише произносит он, голос подхватывает ветер. – Адан Леман.

Холод пробегает по её спине острыми иголками, вонзаясь в плоть.

Она моргает, пытаясь убедить себя, что ослышалась. Но нет. Он действительно произнёс это имя – так буднично, так спокойно, словно оно не способно изменить её восприятие всего происходящего.

Леман.

Эта фамилия разрезает её сознание холодной сталь. Та-

кую же фамилию носил призрак. Тот, кого она встретила в коридорах Риверхолла, чьё присутствие было столь явным, но в то же время необъяснимым. Тот, о ком она искала информацию. Тот, о ком рассказывал Джеймс.

И...

Гвиневра Леман. Директор школы Риверхолл.

Лео пытается поймать его взгляд, но в темноте сложно различить выражение его лица. Знает ли он? Понимает ли, какую бурю вызвал в её голове? Видит ли её шок?

Нет, он просто качает головой, в ожидании прощания, которое затянулось.

Но теперь она едва ли сможет уснуть, зная это. Мужчина внезапно прикладывает палец к своим губам и шепчет.

– Не люблю раскрывать карты, что моя благоверная мать – твой непосредственный начальник, – ирония в его голосе или откровенное признание – по нему трудно понять.

– Спокойной ночи, Адам Леман, – тихо говорит она, отступая назад и едва ли не путаясь в ногах.

Он улыбается краем губ и чуть склоняет голову.

– Спокойной ночи, Лео, – слышится шорох, и её спутник спрыгивает с забора по ту сторону.

Она отворачивается и быстрым шагом направляется к боковому ходу, ведущему в коридор, где располагаются кухонные помещения.

Сердце Лео глухо стучало в груди, когда она скользила по узкому коридору, ведя пальцами по холодному камню.

Здесь, в темноте, шёпот её мыслей кажется громче, чем шаги.

Леман.

Он не мог просто так оказаться здесь. Не мог просто так носить ту же фамилию, что и директор, что и призрак.

Но... он даже не спросил, почему её это так удивило.

Значит, он не знает.

Какое-то странное, неправильное чувство скручивает её изнутри. Они оба хранят секреты – он о себе, она о призраке. И всё это связано с Риверхоллом.

Стук сердца сливается с шорохом её шагов.

Она останавливается перед скрытой дверью, глубоко вздыхает и осторожно приоткрывает её. Коридор школы пуст, только луна освещает длинные ряды дверей и лестницу, по которой она поспешно поднимается на нужный этаж, крепко цепляясь за поручни.

Лео крадётся к своей комнате, ощущая, как браслет на запястье странно тепло пульсирует. В необъяснимом бреде, она добирается до спальни.

Теперь же, сидя на своей постели, сжимая успокаивающую настойку, она поворачивает голову к старому зеркалу, видя собственную бледность и взлохмаченные волосы. Пара глотков и горечь на языке, привкус трав. Тепло разливается по пищеводу, а в голове стучит лишь одно осознание, которое не оставит её этой ночью:

«Мне нужно узнать, кто он такой на самом деле. Адам

Леман. И связан ли он с загадочной смертью Алана?»

Глава 6

В высоких окнах столовой плясали отблески серого, промозглого дня. За стеклом лениво моросил дождь, разбиваясь о витражи, отчего свет внутри казался ещё более тусклым. В воздухе витал запах тушёных овощей и горячего хлеба, смешанный с привычным шумом: гул голосов, звон столовых приборов, негромкий смех учеников.

Леона медленно помешивала чай в кружке, её взгляд был расфокусированным, словно она видела перед собой не стол, а что-то далёкое и непостижимое.

– Так, – раздался мягкий, но настойчивый голос Грейс, и Леона почувствовала, как на запястье легла тёплая рука. – Ты меня вообще слышишь?

Она моргнула и посмотрела на подругу.

Грейс сидела напротив, опираясь локтями о стол и с лёгкой улыбкой разглядывая её. На аккуратном лице читалось привычное любопытство. Каштановые волосы были убраны в тугую косу, а на белом халате, который она носила поверх формы, виднелись едва заметные следы йода.

– Прости, задумалась, – пробормотала Леона, наконец, опуская ложку.

– Не удивлена, – усмехнулась Грейс. – Ты с того момента, как вошла в столовую, выглядишь так, будто увидела призрака.

Леона нервно дёрнула уголком губ.

– Просто устала, – солгала она.

Грейс скептически приподняла бровь, но не стала давить.

– Хорошо. Тогда, может, расскажешь, как прошла твоя прогулка с Адамом вчера? – её голос был лёгким, но в глазах плясали искорки интереса.

Леона напряглась. Она ещё не решила, хочет ли вообще говорить об этом.

Леман. Его фамилия – Леман.

Она думала об этом всю ночь.

Директор школы, Гвиневра Леман.

Призрак в её спальне, называвший себя Аланом Леманом.

Теперь – Адам Леман, владелец магической лавки. Совпадение?

– Леона? – мягко напомнила о себе Грейс.

– А? – она подняла на неё взгляд.

– Честное слово, с тобой точно всё в порядке?

– Да, да, просто... – Леона сделала вид, что задумалась, а затем вздохнула. – Это была странная прогулка.

Грейс усмехнулась, опершись подбородком на руку.

– Ты говоришь так, будто он признался тебе в любви под луной.

– Если бы, – Леона фыркнула, смотря в тарелку.

– Ого, – её глаза хитро сверкнули. – Так ты бы не была против?

– Дело не в этом. Просто... он, – и нервно рассмеялась, словно готовясь сказать шутку века, – Сказал мне свою фамилию.

Грейс моргнула, а затем пожала плечами, не понимая безумство в поведении Уайт.

– Ну и?

– Она такая же, как у директора.

– Ну... может, они родственники?

– Может, – пробормотала Леона.

– Ты ведь можешь у него спросить, – предложила Грейс, делая глоток кофе из чашки. Разумеется, этот напиток в школе был отвратительным, но выбирать не приходилось, чувствуя не растворившиеся горькие гранулы. Медсестра морщилась.

– Ага. Прямо так и сказать: «Привет, Адам, а ты случаем не брат нашей директрисы?»

– Почему нет? – усмехнулась она.

– Потому что... – Леона замялась, осознав, что сама не знает, почему.

Потому что Лео чувствовала, что за этим стоит темная история, возможно, опасная. Потому что призрак Алана Лемана явно не просто так появился в этой школе. Потому что Адам тоже что-то скрывает.

Но говорить это вслух она не стала. Грейс вздохнула и потянулась за булочкой, изящно сжимая её пальцами.

– Ты слишком много думаешь, Леона. Может, тебе просто

стоит расслабиться?

Прокручивая все совпадения в голове, эта ситуация ей откровенно не нравилась. Все случайности, ситуации... Нет, они не были похожи на случайности. Какова вероятность, что в одной школе с ней соседствуют сразу три Лемана?

Она ещё раз посмотрела на Грейс, которая спокойно додала булочку, словно этот разговор был обычной болтовнёй.

– Слушай, а что если... – начала медсестра, пожёвывая мягкое тесто.

– Если что? – Леона нахмурилась.

Грейс наклонилась вперёд, понизив голос, будто собиралась рассказать что-то сокровенное.

– Что если Адам – её сын?

– Чей сын? – нахмурилась Уайт.

– Директора, конечно.

– Почему ты так думаешь?

Грейс пожала плечами.

– У него её фамилия, во-первых. Во-вторых, он ведёт себя так, словно знает это место гораздо лучше, чем должен. В-третьих...

– В-третьих? – переспросила Леона, подбадривая её продолжить.

– Я слышала, что у директора есть сын. Точнее, кто-то говорил, что в школе работает электрик, которому она доверяет больше всех. Говорят, что он помогает с проводкой в старых корпусах и что его редко можно увидеть днём. Только

вот его никто не знает лично.

Леона сделала вид, что размышляет над этой информацией, но на самом деле знала правду. Адам действительно возился с проводкой, она сама это видела. Но он не был штатным электриком – он помогал добровольно. Больше об этом никто не знал, по крайней мере, не афишировал.

Внезапно глаза Лео расширились от осознания... Джеймс! Он учился в этой школе, много лет работал, знал о пропаже Алана, так, может быть, если правильно подвести разговор, скромный преподаватель поделится тайнами, которые хранит. Не просто же так Адам помогает Риверхоллу.

И если он добровольно это делает, значит, у него есть причина. Но Грейс она этого не сказала.

– Ты думаешь, это Адам? – вместо этого спросила она, изображая удивление.

– А почему бы и нет? – Грейс хитро улыбнулась. – Подумай сама: школа старая, ей нужно обслуживание, но Гвиневра редко приглашает посторонних специалистов. Всё держится на штате, а он, между прочим, не такой уж большой.

К сожалению, Леона не могла не признать, что в словах Грейс была логика.

– Только вот знаешь, что меня смущает? – продолжила медсестра.

– Что?

– Директору лет под шестьдесят. Если Адам её сын, то ему должно быть хотя бы сорок.

Лео не была мастерицей в определении возраста, но Адам не выглядел на сорок. Совсем.

– Не может быть, – пробормотала она, нахмурившись.

– Почему?

– Потому что... – Леоны замялась. Как сказать, что он слишком симпатичный, слишком молодой?

Грейс усмехнулась, словно прочитав мысли подруги, замечая щеки, покрывшиеся розоватым цветом.

– Потому что ты находишь его привлекательным?

Леоны почувствовала, как к лицу прилила ещё одна тёплая волна.

– Я не... – она осеклась. – Так. Я не нахожу его привлекательным!

– Он тебе нравится, – Грейс понимающе кивнула, но в глазах её плясали насмешливые искорки.

– Это неважно! – Леоны нервно обхватила кружку с чаем.

Она до сих пор не могла понять, почему Алан исчез. Почему вдруг перестал появляться в западном крыле, почему не отозвался на её зов, когда она, как глупая, ночью прошлась по пустым коридорам. Обрел ли он покой или это было временное затишье? Кто этих призраков поймет.

Страшнее всего оказалось осознание, что она... скучает? Жаждет его общества? Нет, вероятно, ей просто нужно больше ответов на десяток вопросов, крутящихся в её макушке, подобно рою диких ос.

– Лео? – снова окликнула её Грейс.

– Прости, – Леона выдохнула. – Просто... я думаю, что в Риверхолле что-то скрывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.